

В. Гауф

Лучшие сказки

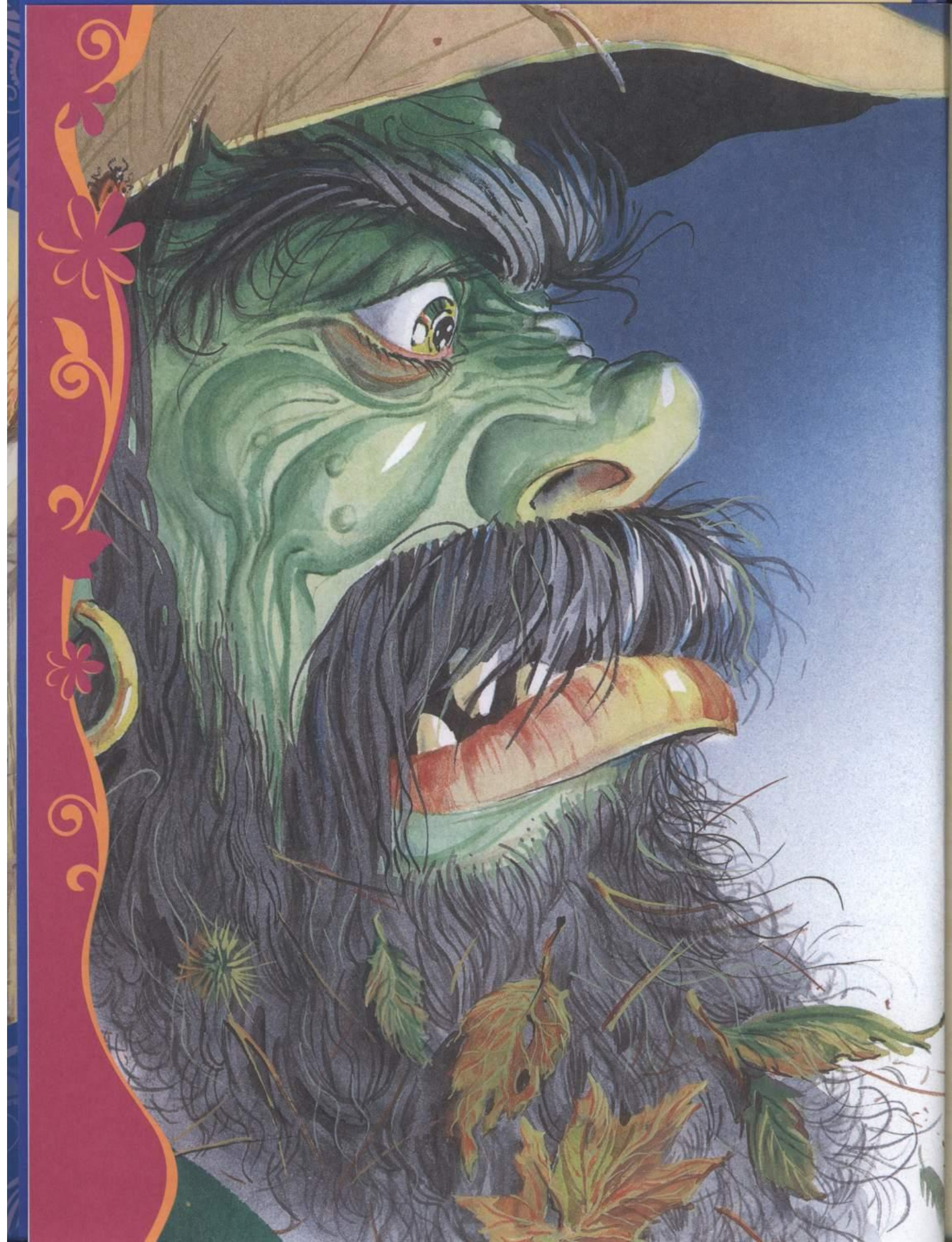
В. Гауф

Лучшие
сказки

Художник В. Канивец

МОСКВА
РОСМЭН
2014

Холодное сердце

Пересказ с немецкого
Т. Габбе и А. Любарской

Всякий, кому случалось побывать в Шварцвальде (по-русски это слово значит «Чернолесье»), скажет вам, что никогда в другом месте не увидишь таких высоких и могучих елей, нигде больше не встретишь таких рослых и сильных людей. Кажется, будто самый воздух, пропитанный солнцем и смолой, сделал обитателей Шварцвальда непохожими на их соседей, жителей окрестных равнин. Даже одежда у них не такая, как у других. Особенно затейливо наряжаются обитатели гористой стороны Шварцвальда. Мужчины там носят чёрные камзолы, широкие, в мелкую складку шаровары, красные чулки и островерхие шляпы с большими полями. И надо признаться, что наряд этот придаёт им весьма внушительный и почтенный вид.

Все жители здесь отличные мастера стекольного дела. Этим ремеслом занимались их отцы, деды и прадеды, и слава о шварцвальдских стеклодувах издавна идёт по всему свету.

В другой стороне леса, ближе к реке, живут те же шварцвальдцы, но ремеслом они занимаются другим, и обычаи у них тоже другие. Все они, так же как их отцы, деды и прадеды, — лесорубы и плотогоны. На длинных плотах сплавляют они лес вниз по Неккару в Рейн, а по Рейну — до самого моря.

Они останавливаются в каждом прибрежном городе и ждут покупателей, а самые толстые и длинные брёвна гонят в Голландию, и голландцы строят из этого леса свои корабли.

Плотогоны привыкли к суровой бродячей жизни. Поэтому и одежда у них совсем не похожа на одежду мастеров стекольного дела. Они носят куртки из тёмного холста и чёрные кожаные штаны на зелёных, шириною в ладонь, помочах. Из

глубоких карманов их штанов всегда торчит медная линейка — знак их ремесла. Но больше всего они гордятся своими сапогами. Да и есть чем гордиться! Никто на свете не носит таких сапог. Их можно натянуть выше колен и ходить в них по воде, как посуху.

Ещё недавно жители Шварцвальда верили в лесных духов. Теперь-то, конечно, все знают, что никаких духов нет, но от дедов к внукам перешло множество преданий о таинственных лесных жителях.

Рассказывают, что эти лесные духи носили платье точь-в-точь такое, как и люди, среди которых они жили.

Стеклянный Человечек — добрый друг людей — всегда являлся в широкополой островерхой шляпе, в чёрном камзоле и шароварах, а на ногах у него были красные чулочки и чёрные башмачки. Ростом он был с годовалого ребёнка, но это нисколько не мешало его могуществу.

А Михель-Великан носил одежду сплавщиков, и те, кому случалось его видеть, уверяли, будто на сапоги его должно было пойти добрых полсотни телячьих кож и что взрослый человек мог бы спрятаться в этих сапожищах с головой. И все они клялись, что нисколько не преувеличивают.

С этими-то лесными духами пришлось как-то раз познакомиться одному шварцвальдскому парню.

О том, как это случилось и что произошло, вы сейчас узнаете.

Много лет тому назад жила в Шварцвальде бедная вдова по имени и прозвищу Барбара Мунк.

Муж её был угольщиком, а когда он умер, за это же ремесло пришлось взяться её шестнадцатилетнему сыну Петеру. До сих пор он только смотрел, как его отец тушит уголь, а теперь ему самому довелось просиживать дни и ночи возле дымящейся угольной ямы, а потом колесить с тележкой по дорогам и улицам, предлагая у всех ворот свой чёрный товар и пугая ребятишек лицом и одеждой, потемневшими от угольной пыли.

Ремесло угольщика тем хорошо (или тем плохо), что оставляет много времени для размышлений.

И Питер Мунк, сидя в одиночестве у своего костра, так же как и многие другие угольщики, думал обо всём на свете. Лесная тишина, шелест ветра в верхушках деревьев, одинокий крик птицы — всё наводило его на мысли о людях, которых он встречал, странствуя со своей тележкой, о себе самом и о своей печальной судьбе.

«Что за жалкая участь быть чёрным, грязным угольщиком! — думал Петер. — То ли дело ремесло стекольщика, часовщика или башмачника! Даже музыкантов, которых нанимают играть на воскресных вечеринках, и тех почитают больше, чем нас!»

Вот, случись, выйдет Петер Мунк в праздничный день на улицу — чисто умытый, в парадном отцовском кафтане с серебряными пуговицами, в новых красных чулках и в башмаках с пряжками... Всякий, увидев его издали, скажет: «Что за парень — молодец! Кто бы это был?» А подойдёт ближе, только рукой махнёт: «Ах, да ведь это всего-навсего Петер Мунк, угольщик!..» И пройдёт мимо.

Но больше всего Петер Мунк завидовал плотогонам. Когда эти лесные великаны приходили к ним на праздник, навесив на себя с полпуда серебряных побрякушек — всяких там цепочек, пуговиц да пряжек, — и, широко расставив ноги, глядели на танцы,

затягиваясь из аршинных кёльнских трубок, Петеру казалось, что нет на свете людей счастливее и почтеннее. Когда же эти счастливицы запускали в карман руку и целыми пригоршнями вытаскивали серебряные монеты, у Петера спирало дыхание, мутилось в голове, и он, печальный, возвращался в свою хижину. Он не мог видеть, как эти «дровяные господа» проигрывали за один вечер больше, чем он сам зарабатывал за целый год.

Но особенное восхищение и зависть вызывали в нём три плотогона: Иезекиил Толстый, Шлюркер Тощий и Вильм Красивый.

Иезекиил Толстый считался первым богачом в округе.

Везло ему необыкновенно. Он всегда продавал лес втридорога, денежки сами так и текли в его карманы.

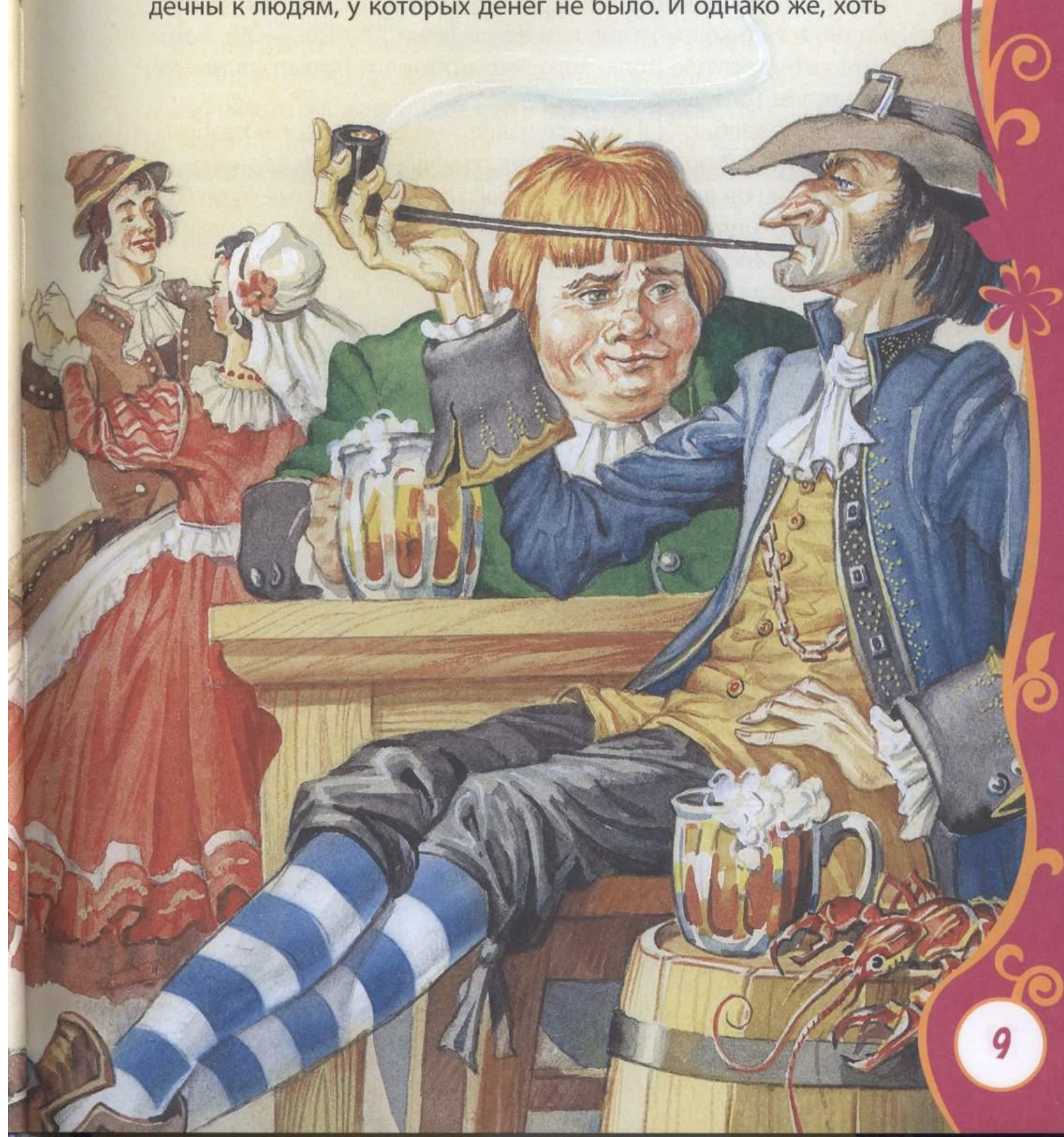
Шлюркер Тощий был самым смелым человеком из всех, кого знал Петер. Никто не решался с ним спорить, а он не боялся спорить ни с кем. В харчевне он и ел-пил за троих, и место занимал на троих, но никто не смел сказать ему ни слова, когда он, растопылив локти, усаживался за стол или вытягивал вдоль скамьи свои длинные ноги, — уж очень много было у него денег.

Вильм Красивый был молодой, статный парень, лучший танцор среди плотогонов и стекольщиков. Ещё совсем недавно он был таким же бедняком, как Петер, и служил в работниках у лесоторговцев. И вдруг ни с того ни с сего разбогател! Одни говорили, что он нашёл в лесу под старой елью горшок серебра. Другие уверяли, что где-то на Рейне он подцепил багром мешок с золотом.

Так или иначе, он вдруг сделался богачом, и плотгоны стали почитать его, точно он был не простой плотгон, а принц.

Все трое — Иезекиил Толстый, Шлюркер Тощий и Вильм Красивый — были совсем не похожи друг на друга, но все трое одинаково любили деньги и были одинаково бессердечны к людям, у которых денег не было. И однако же, хоть

за жадность их недолюбливали, за богатство им всё прощали. Да и как не простить! Кто, кроме них, мог разбрасывать направо и налево звонкие талеры, словно деньги достаются им даром, как еловые шишки?!

«И откуда только они берут столько денег? — думал Петер, возвращаясь как-то с праздничной пирушки, где он не пил, не ел, а только смотрел, как ели и пили другие. — Ах, кабы мне хоть десятую долю того, что пропил и проиграл нынче Иезекиил Толстый!»

Петер перебирал в уме все известные ему способы разбогатеть, но не мог придумать ни одного мало-мальски верного.

Наконец он вспомнил рассказы о людях, которые будто бы получили целые горы золота от Михеля-Великана или от Стеклянного Человечка.

Ещё когда был жив отец, у них в доме часто собирались бедняки-соседи помечтать о богатстве, и не раз они поминали в разговоре маленького покровителя стеклодувов.

Петер даже припомнил стишки, которые нужно было сказать в чаще леса, у самой большой ели, для того чтобы вызвать Стеклянного Человечка:

— Под высокою сосной
В тесноте пещерной
Жил да был старик седой
С тайной сокровенной.
Дед был сказочно богат,
Прятал он в пещере клад...

Были в этих стишках ещё две строчки, но, как Петер ни ломал голову, он ни за что не мог их припомнить.

Ему часто хотелось спросить у кого-нибудь из стариков, не помнят ли они конец этого заклинания, но не то стыд, не то боязнь выдать свои тайные мысли удерживали его.

— Да они, наверно, и не знают этих слов, — утешал он себя. — А если бы знали, то почему бы им самим не пойти в лес и не вызвать Стеклянного Человечка!..

В конце концов он решил завести об этом разговор со своей матерью — может, она припомнит что-нибудь.

Но если Петер забыл две последние строчки, то матушка его помнила только две первые.

Зато он узнал от неё, что Стеклянный Человечек показывается только тем, кому посчастливилось родиться в воскресенье между двенадцатью и двумя часами пополудни.

— Если бы ты знал это заклинание от слова до слова, он непременно бы явился тебе, — сказала мать, вздыхая. — Ты ведь родился как раз в воскресенье, в самый полдень.

Услышав это, Петер совсем потерял голову.

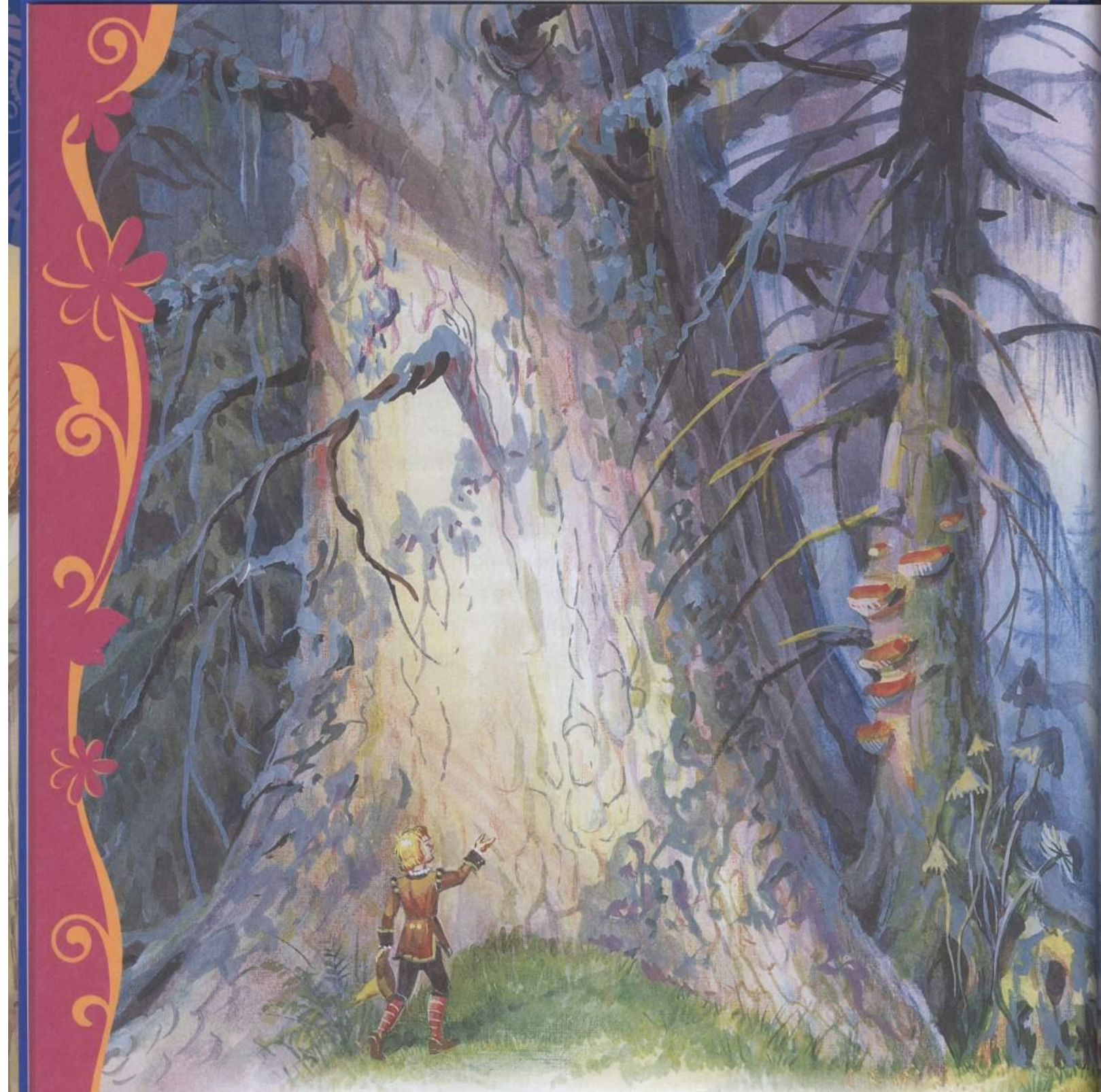
«Будь что будет, — решил он, — а я должен попытать своё счастье».

И вот, распродав весь заготовленный для покупателей уголь, он надел отцовский праздничный камзол, новые красные чулки, новую воскресную шляпу, взял в руки палку и сказал матери:

— Мне нужно сходить в город. Говорят, скоро будет набор в солдаты, так вот, я думаю, следовало бы напомнить начальнику, что вы вдова и что я ваш единственный сын.

Мать похвалила его за благоразумие и пожелала счастливого пути. И Петер бодро зашагал по дороге, но только не в город, а прямо в лес. Он шёл всё выше и выше по склону

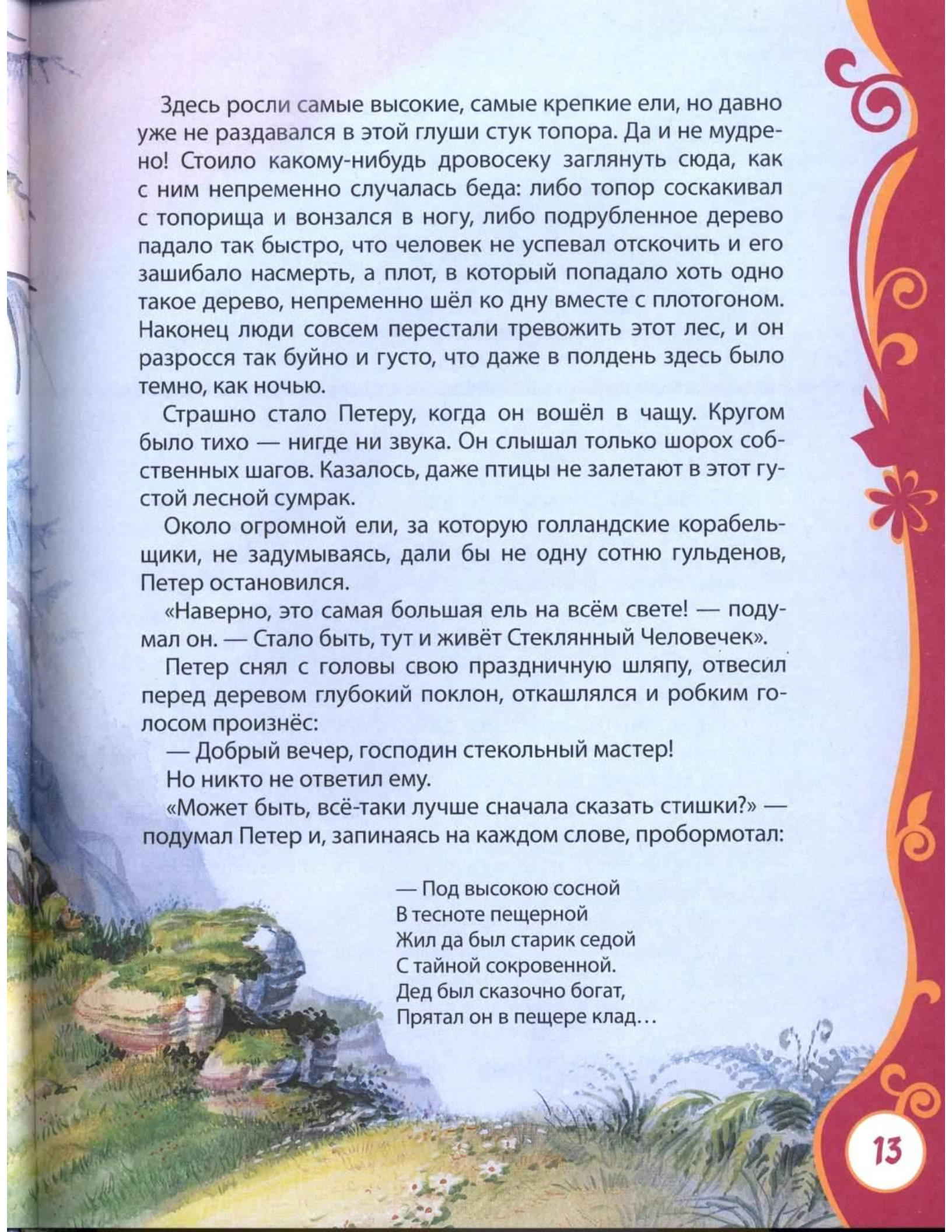

горы, поросшей ельником, и наконец добрался до самой вершины.

Место было глухое, безлюдное. Нигде никакого жилья — ни избушки дровосеков, ни охотничьего шалаша.

Редко какой человек заглядывал сюда. Среди окрестных жителей поговаривали, что в этих местах нечисто, и всякий старался обойти Еловую гору стороной.

Здесь росли самые высокие, самые крепкие ели, но давно уже не раздавался в этой глуши стук топора. Да и не мудрено! Стоило какому-нибудь дровосеку заглянуть сюда, как с ним непременно случалась беда: либо топор соскакивал с топорща и вонзался в ногу, либо подрубленное дерево падало так быстро, что человек не успевал отскочить и его зашибало насмерть, а плот, в который попадало хоть одно такое дерево, непременно шёл ко дну вместе с плотогоном. Наконец люди совсем перестали тревожить этот лес, и он разросся так буйно и густо, что даже в полдень здесь было темно, как ночью.

Страшно стало Петеру, когда он вошёл в чащу. Кругом было тихо — нигде ни звука. Он слышал только шорох собственных шагов. Казалось, даже птицы не залетают в этот густой лесной сумрак.

Около огромной ели, за которую голландские корабельщики, не задумываясь, дали бы не одну сотню гульденов, Петер остановился.

«Наверно, это самая большая ель на всём свете! — подумал он. — Стало быть, тут и живёт Стекланный Человечек».

Петер снял с головы свою праздничную шляпу, отвесил перед деревом глубокий поклон, откашлялся и робким голосом произнёс:

— Добрый вечер, господин стекольный мастер!

Но никто не ответил ему.

«Может быть, всё-таки лучше сначала сказать стишки?» — подумал Петер и, запинаясь на каждом слове, пробормотал:

— Под высокою сосной
В тесноте пещерной
Жил да был старик седой
С тайной сокровенной.
Дед был сказочно богат,
Прятал он в пещере клад...

И тут — Петер едва мог поверить своим глазам! — из-за толстого ствола кто-то выглянул. Петер успел заметить островерхую шляпу, тёмный кафтанчик, ярко-красные чулочки... Чьи-то быстрые, зоркие глаза на мгновение встретились с глазами Петера.

Стеклянный Человечек! Это он! Это, конечно, он! Но под ёлкой уже никого не было. Петер чуть не заплакал от огорчения.

— Господин стекольный мастер! — закричал он. — Где же вы? Господин стекольный мастер! Если вы думаете, что я вас не видел, вы ошибаетесь. Я отлично видел, как вы выглянули из-за дерева.

И опять никто ему не ответил. Но Петеру показалось, что за ёлкой кто-то тихонько засмеялся.

— погоди же! — крикнул Петер. — Я тебя поймаю! — И он одним прыжком очутился за деревом. Но Стеклянного Человечка там не было. Только маленькая пушистая белочка молнией взлетела вверх по стволу.

«Ах, если бы я знал стишки до конца, — с грустью подумал Петер, — Стеклянный Человечек, наверно, вышел бы ко мне. Недаром же я родился в воскресенье!..»

Наморщив лоб, нахмутив брови, он изо всех сил старался вспомнить забытые слова или даже придумать их, но у него ничего не выходило.

А в то время как он бормотал себе под нос слова заклинания, белочка появилась на нижних ветвях ёлки, прямо у него над головой. Она охорашивалась, распушив свой рыжий хвост, и лукаво поглядывала на него, не то посмеиваясь над ним, не то желая его подзадорить.

И вдруг Петер увидел, что голова у белки вовсе не звериная, а человечья, только очень маленькая — не больше беличьей. А на голове — широкополая, островерхая шляпа. Петер так и замер от изумления. А белка уже снова была самой обыкновенной белкой, и только на задних лапках у неё были красные чулочки и чёрные башмачки.

Тут уж Петер не выдержал и со всех ног бросился бежать.

Он бежал, не останавливаясь, и только тогда перевёл дух, когда услышал лай собак и завидел вдалеке дымок, поднимающийся над крышей какой-то хижины. Подойдя поближе, он понял, что со страху сбился с дороги и бежал не к дому, а прямо в противоположную сторону. Здесь жили дровосеки и плотгоны.

Хозяева хижины встретили Петера приветливо и, не спрашивая, как его зовут и откуда он, предложили ему ночлег, зажарили к ужину большого глухаря — это любимое кушанье местных жителей — и поднесли ему кружку яблочного вина.

После ужина хозяйка с дочерьми взяли прялки и подсели поближе к лучине. Ребятишки следили, чтоб она не погасла, и поливали её душистой еловой смолой. Старик-хозяин и старший его сын, покуривая свои длинные трубки, беседовали с гостем, а младшие сыновья принялись вырезать из дерева ложки и вилки.

К вечеру в лесу разыгралась буря. Она выла за окнами, сгибая чуть не до земли столетние ели. То и дело слышались громовые удары и страшный треск, словно где-то невдалеке ломались и падали деревья.

— Да, никому бы я не посоветовал выходить в такую пору из дому, — сказал старый хозяин, вставая с места и покрепче закрывая дверь. — Кто выйдет, тому уж не вернуться. Нынче ночью Михель-Великан рубит лес для своего плота.

Петер сразу насторожился.

— А кто такой этот Михель? — спросил он у старика.

— Он хозяин этого леса, — сказал старик. — Вы, должно быть, нездешний, если ничего не слышали о нём. Ну хорошо, я расскажу вам, что знаю сам и что дошло до нас от наших отцов и дедов.

Старик уселся поудобнее, затянулся из своей трубки и начал:

— Лет сто назад — так, по крайней мере, рассказывал мой дед — не было на всей земле народа честнее шварцвальдцев. Теперь-то, когда на свете завелось столько денег, люди потеряли стыд и совесть. Про молодёжь и говорить нечего, — у той только и дела, что плясать, ругаться да сорить деньгами. А прежде было не то. И виной всему — я это раньше говорил и теперь повторю, хотя бы он сам заглянул вот в это окошко, — виной всему Михель-Великан. От него все беды и пошли.

Так вот, значит, лет сто тому назад жил в этих местах богатый лесоторговец. Торговал он с далёкими рейнскими городами, и дела у него шли как нельзя лучше, потому что он был человек честный и трудолюбивый.

И вот однажды приходит к нему наниматься какой-то парень. Никто его не знает, но видно, что здешний, — одет как шварцвальдец. А ростом чуть не на две головы выше всех. Наши парни и сами народ не мелкий, а этот настоящий великан.

Лесоторговец сразу сообразил, как выгодно держать такого дюжего работника. Он назначил ему хорошее жалованье, и Михель (так звали этого парня) остался у него.

Что и говорить, лесоторговец не прогадал.

Когда надо было рубить лес, Михель работал за троих. А когда пришлось перетаскивать брёвна, за один конец бревна лесорубы брались вшестером, а другой конец поднимал Михель.

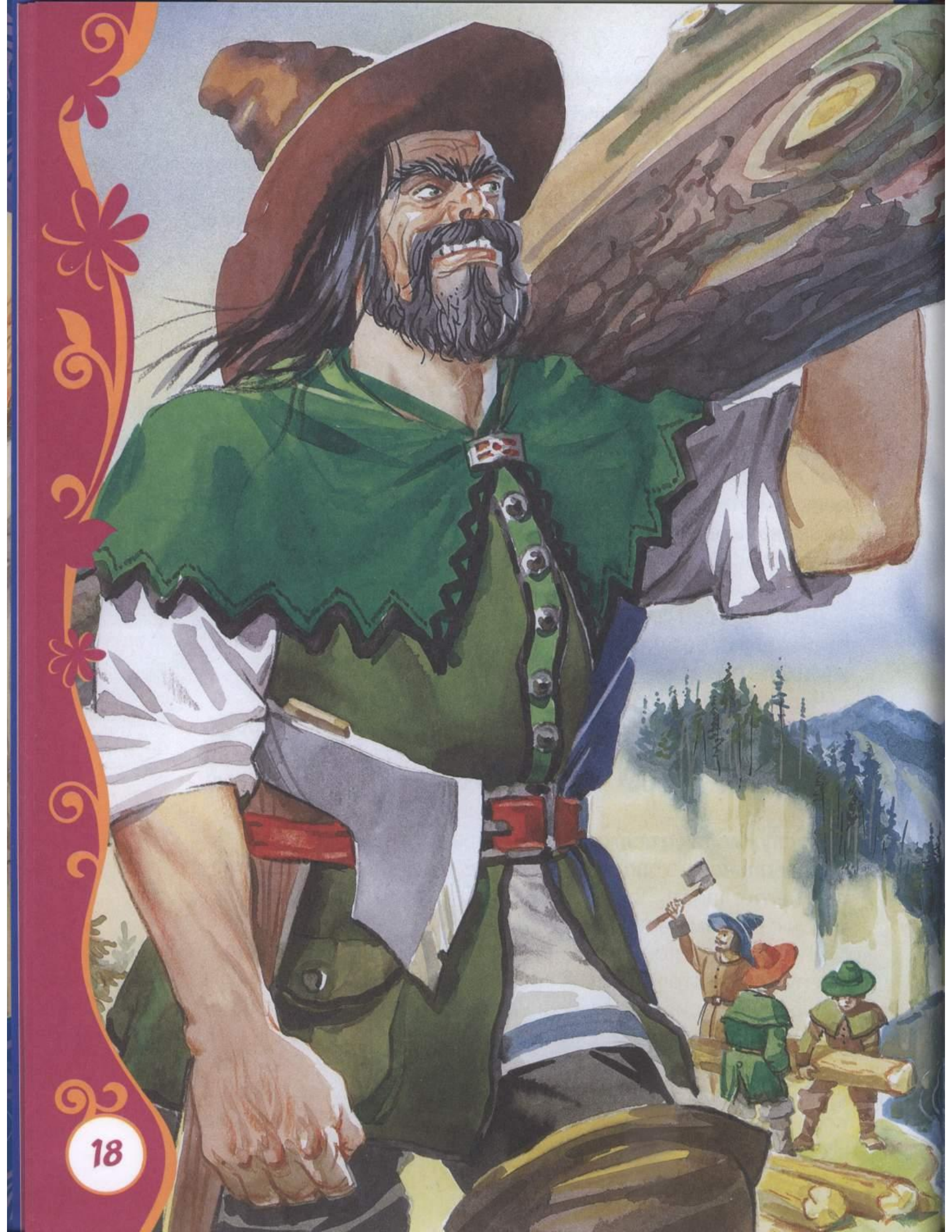
Послужив так с полгода, Михель явился к своему хозяину.

«Довольно, — говорит, — нарубил я деревьев. Теперь охота мне поглядеть, куда они идут. Отпусти-ка меня, хозяин, разок с плотами вниз по реке».

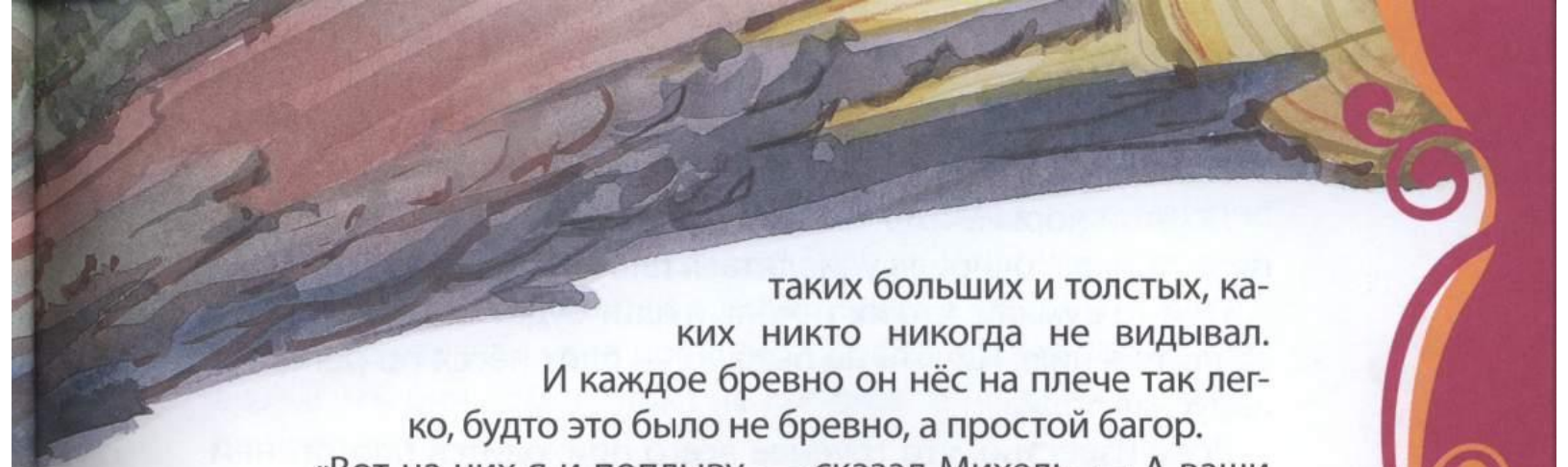
«Пусть будет по-твоему, — сказал хозяин. — Хоть на плотках нужна не столько сила, сколько ловкость, и в лесу ты бы мне больше пригодился, но я не хочу мешать тебе поглядеть на белый свет. Собирайся!»

Плот, на котором должен был отправиться Михель, был составлен из восьми звеньев отборного строевого леса. Когда плот был уже связан, Михель принёс ещё восемь брёвен, да

таких больших и толстых, ка-
ких никто никогда не видывал.

И каждое бревно он нёс на плече так лег-
ко, будто это было не бревно, а простой багор.

«Вот на них я и поплыву, — сказал Михель. — А ваши
щепочки меня не выдержат».

И он стал вязать из своих огромных брёвен новое звено.

Плот вышел такой ширины, что едва поместился между
двумя берегами.

Все так и ахнули, увидев этакую махину, а хозяин Михеля
потирал руки и уже прикидывал в уме, сколько денег можно
будет выручить на этот раз от продажи леса.

На радостях он, говорят, хотел подарить Михелю пару са-
мых лучших сапог, какие носят плотогоны, но Михель даже
не поглядел на них и принёс откуда-то из лесу свои соб-
ственные сапоги. Мой дедушка уверял, что каждый сапог
был пуда в два весом и футов в пять высотой.

И вот всё было готово. Плот двинулся.

До этой поры Михель, что ни день, удивлял лесорубов, теперь пришла очередь удивляться плотогонам.

Они-то думали, что их тяжёлый плот будет еле-еле тянуться по течению. Ничуть не бывало — плот нёсся по реке, как парусная лодка.

Всем известно, что труднее всего приходится плотогонам на поворотах: плот надо удержать на середине реки, чтобы он не сел на мель. Но на этот раз никто и не замечал поворотов. Михель, чуть что, соскакивал в воду и одним толчком направлял плот то вправо, то влево, ловко огибая мели и подводные камни.

Если же впереди не было никаких излучин, он перебежал на переднее звено, с размаху втыкал свой огромный багор в дно, отталкивался — и плот летел с такой быстротой, что, казалось, прибрежные холмы, деревья и сёла так и проносятся мимо.

Плотогоны и оглянуться не успели, как пришли в Кёльн, где обычно продавали свой лес. Но тут Михель сказал им:

«Ну и сметливые же вы купцы, как погляжу я на вас! Что ж вы думаете — здешним жителям самим нужно столько леса, сколько мы сплавляем из нашего Шварцвальда? Как бы не так! Они его скупают у вас за полцены, а потом перепродают втридорога голландцам. Давайте-ка мелкие брёвна пустим в продажу здесь, а большие погоним дальше, в Голландию, да сами и сбудем тамошним корабельщикам. Что следует хозяину по здешним ценам, он получит сполна. А что мы выручим сверх того — то будет наше».

Долго уговаривать сплавщиков ему не пришлось. Всё было сделано точь-в-точь по его слову.

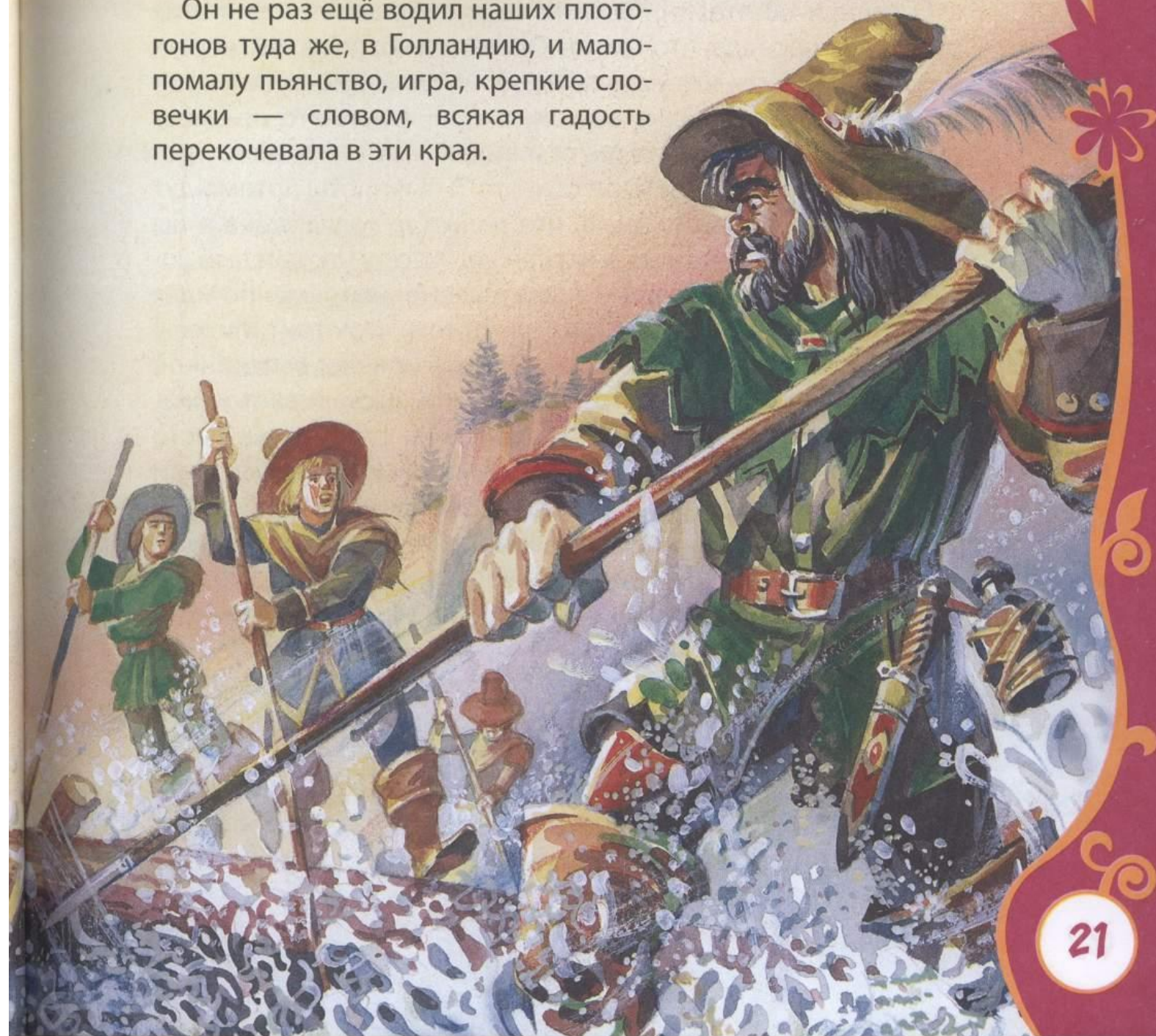
Плотогоны погнали хозяйский товар в Роттердам и там продали его вчетверо дороже, чем им давали в Кёльне!

Четверть выручки Михель отложил для хозяина, а три четверти разделил между сплавщиками. А тем во всю жизнь не случалось видеть столько денег. Головы у парней закружились, и пошло у них такое веселье, пьянство, картёжная игра! С ночи до утра и с утра до ночи... Словом, до тех пор не возвратились они домой, пока не пропили и не проиграли всё до последней монетки.

С той поры голландские харчевни и кабаки стали казаться нашим парням сущим раем, а Михель-Великан (его стали после этого путешествия называть Михель-Голландец) сделался настоящим королём плотогонов.

Он не раз ещё водил наших плотогонов туда же, в Голландию, и мало-помалу пьянство, игра, крепкие словечки — словом, всякая гадость перекочевала в эти края.

Хозяева долго ничего не знали о проделках плотогонов. А когда вся эта история вышла наконец наружу и стали допытываться, кто же тут главный зачинщик, — Михель-Голландец исчез. Искали его, искали — нет! Пропал — как в воду канул...

— Помер, может быть? — спросил Петер.

— Нет, знающие люди говорят, что он и до сих пор хозяйничает в нашем лесу. Говорят ещё, что, если его как следует попросить, он всякому поможет разбогатеть. И помог уже кое-кому... Да только идёт молва, что деньги он даёт не даром, а требует за них кое-что подороже всяких денег... Ну и больше я об этом ничего не скажу. Кто знает, что в этих рассказнях правда, что басня? Одно только, пожалуй, верно: в такие ночи, как нынешняя, Михель-Голландец рубит и ломает старые ели там, на вершине горы, где никто не смеет рубить. Мой отец однажды сам видел, как он, словно тростинку, сломал ель в четыре обхвата. В чьи плоты потом идут эти ели, я не знаю. Но знаю, что на месте голландцев я бы платил за них не золотом, а картечью, потому что каждый корабль, в который попадает такое бревно, непременно идёт ко дну. А всё дело здесь, видите ли, в том, что стоит Михелю сломать на горе новую ель, как старое бревно, вытесанное из такой же горной ели, трескается или выскакивает из пазов, и корабль даёт течь. Потому-то мы с вами так часто и слышим о кораблекрушениях. Поверьте моему слову: если бы не Михель, люди странствовали бы по воде, как посуху.

Старик замолчал и принялся выколачивать свою трубку.

— Да... — сказал он опять, вставая с места. — Вот что рассказывали наши деды о Михеле-Голландце... И как там ни поверни, а все беды у нас пошли от него. Богатство он дать, конечно, может, но не желал бы я оказаться в шкуре такого богача, будь это хоть сам Иезекиил Толстый, или Шлюрккер Тощий, или Вильм Красивый.

Пока старик рассказывал, буря улеглась. Хозяева дали Петеру мешок с листьями вместо подушки, пожелали ему спокойной ночи, и все улеглись спать. Петер устроился на лавке под окном и скоро уснул.

...Никогда ещё угольщику Петеру Мунку не снились такие страшные сны, как в эту ночь.

То чудилось ему, будто Михель-Великан с треском распа- хивает окно и протягивает ему огромный мешок с золоты- ми. Михель трясёт мешок прямо у него над головой, и золо- то звенит, звенит — звонко и заманчиво.

То ему чудилось, что Стекланный Человечек верхом на большой зелёной бутылки разъезжает по всей комнате, и Петер опять слышит лукавый тихий смехок, который до- нёсся до него утром из-за большой ели.

И всю ночь Петера тревожили, будто споря между собой, два голоса. Над левым ухом гудел хриплый густой голос:

— Золотом, монетами
Наполняй свой дом!
Трудную работу
Оставишь на потом.
Если слитков золота
За день не перечесть,
Богатому хозяину
Везде хвала и честь!

А над правым ухом звенел то-
ненький голосок:

— Под высокою сосной
В тесноте пещерной
Жил да был старик седой
С тайной сокровенной...

Ну, а как дальше, Петер? Как там дальше? Ах, глупый, глупый угольщик Петер Мунк! Не мо- жет вспомнить такие простые слова! А ещё ро- дился в воскресный день, ровно в полдень...

Придумай только рифму к слову «воскресный», а уж остальные слова сами придут!..

Петер охал и стонал во сне, стараясь припомнить или придумать забытые строчки. Он метался, вертелся с боку на бок, но так как за всю свою жизнь не сочинил ни одного стишка, то и на этот раз ничего не выдумал.

Угольщик проснулся, едва только рассвело, уселся, скрестив руки на груди, и принялся размышлять всё о том же: какое слово идёт в пару со словом «воскресный»?

Он стучал пальцами по лбу, тёр себе затылок, но ничего не помогало.

И вдруг до него донеслись слова весёлой песни. Под окном проходили трое парней и распевали во всё горло:

— На лугу душистом
Хмель растёт чудесный.
Мы наварим пива
В этот день воскресный!..

Петера словно обожгло. Так вот она, эта рифма к слову «воскресный»! Да полно, так ли? Не ослышался ли он?

Петер вскочил и сломя голову кинулся догонять парней.

— Эй, приятели! Подождите! — кричал он.

Но парни даже не оглянулись.

Наконец Петер догнал их и схватил одного за руку.

— Повтори-ка, что ты пел! — закричал он, задыхаясь.

— Да тебе-то что за дело! — ответил парень. — Что хочешь, то и пою. Пусти сейчас же мою руку, а не то...

— Нет, сперва скажи, что ты пел! — настаивал Петер и ещё сильнее стиснул его руку.

Тут два других парня недолго думая накинулись с кулаками на бедного Петера и так отколотили его, что у бедняги искры из глаз посыпались.

— Вот тебе на закуску! — сказал один из них, награждая его увесистым тумакон. — Будешь помнить, каково задевать почтенных людей!..

— Ещё бы не помнить! — сказал Петер, охая и потирая ушибленные места. — А теперь, раз уж вы меня всё равно отколотили, сделайте милость — спойте мне ту песню, которую вы только что пели.

Парни так и прыснули со смеху. Но потом всё-таки спели ему песню от начала до конца.

После этого они по-приятельски распрощались с Петером и пошли своей дорогой.

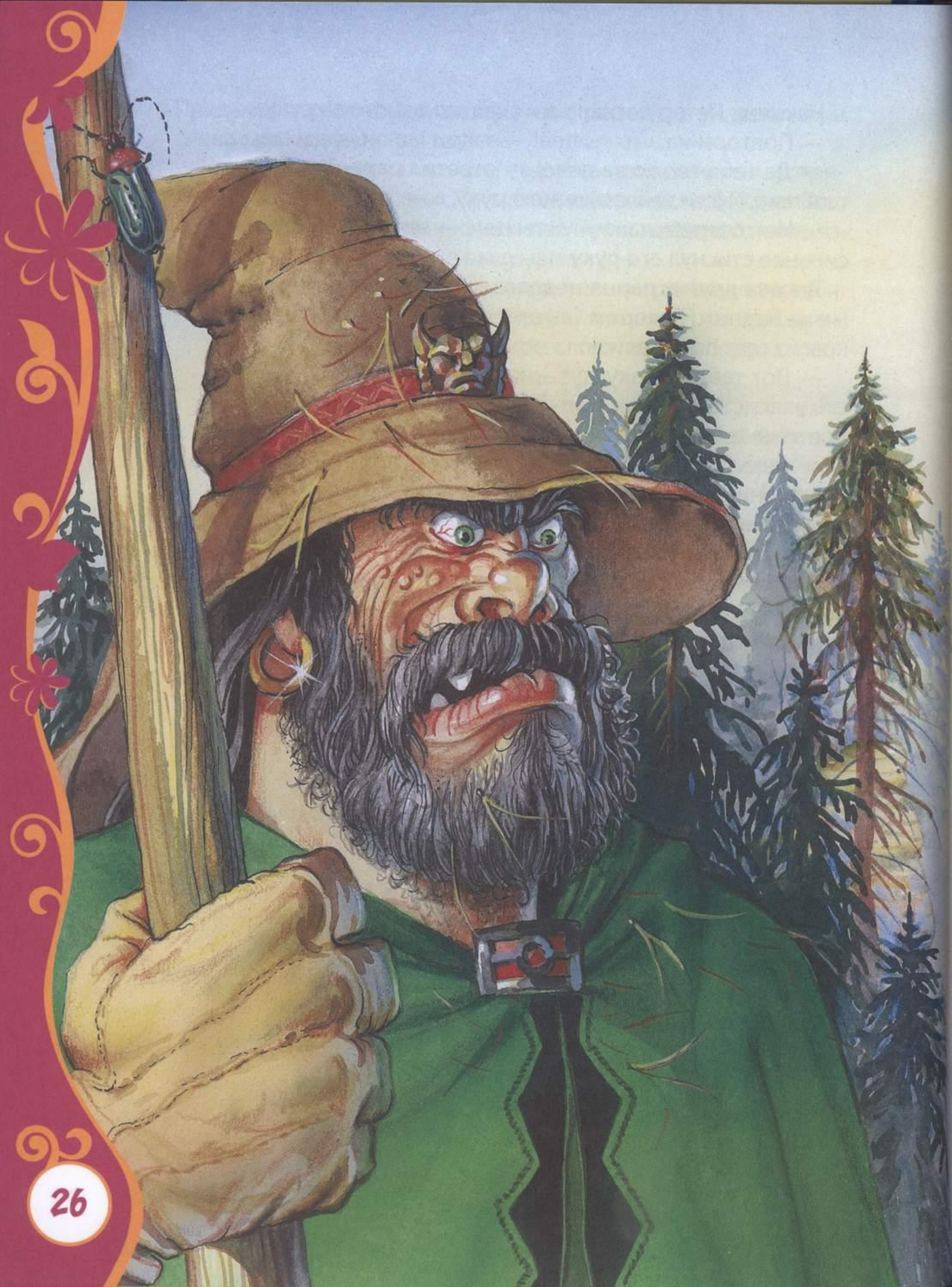
А Петер вернулся в хижину дровосека, поблагодарил хозяев за приют и, взяв свою шляпу и палку, снова отправился на вершину горы.

Он шёл и всё время повторял про себя заветные слова «воскресный — чудесный, чудесный — воскресный»... И вдруг, сам не зная, как это случилось, прочитал весь стишок от первого до последнего слова.

Петер даже подпрыгнул от радости и подбросил вверх свою шляпу.

Шляпа взлетела и пропала в густых ветках ели. Петер поднял голову, высматривая, где она там зацепилась, да так и замер от страха.

Перед ним стоял огромный человек в одежде плотогона. На плече у него был багор длиной с хорошую мачту, а в руке он держал шляпу Петера.

Не говоря ни слова, великан бросил Петеру его шляпу и зашагал с ним рядом.

Петер робко, искоса поглядывал на своего страшного спутника. Он словно сердцем почуял, что это и есть Михель-Великан, о котором ему вчера столько рассказывали.

— Петер Мунк, что ты делаешь в моём лесу? — вдруг сказал великан громовым голосом.

У Петера затряслись колени.

— С добрым утром, хозяин, — сказал он, стараясь не показать виду, что боится. — Я иду лесом к себе домой — вот и всё моё дело.

— Петер Мунк! — снова загремел великан и посмотрел на Петера так, что тот невольно зажмурился. — Разве эта дорога ведёт к твоему дому? Ты меня обманываешь, Петер Мунк!

— Да, конечно, она ведёт не совсем прямо к моему дому, — залепетал Петер, — но сегодня такой жаркий день... Вот я и подумал, что идти лесом хоть и дальше, да прохладнее!

— Не лги, угольщик Мунк! — крикнул Михель-Великан так громко, что с ёлок дождём посыпались на землю шишки. — А не то я одним щелчком вышибу из тебя дух!

Петер весь съёжился и закрыл руками голову, ожидая страшного удара.

Но Михель-Великан не ударил его. Он только насмешливо поглядел на Петера и расхохотался.

— Эх ты, дурак! — сказал он. — Нашёл к кому на поклон ходить!.. Думаешь, я не видел, как ты распинался перед этим жалким старикашкой, перед этим стеклянным пузырьком. Счастье твоё, что ты не знал до конца его дурацкого заклинания! Он скряга, дарит мало, а если и подарит что-нибудь, так ты жизни рад не будешь. Жаль мне тебя, Петер, от души

жаль! Такой славный, красивый парень мог бы далеко пойти, а ты сидишь возле своей дымной ямы да угли жжёшь. Другие не задумываясь швыряют направо и налево талеры и дукаты, а ты боишься истратить медный грош... Жалкая жизнь!

— Что правда, то правда. Жизнь невесёлая.

— Вот то-то же!.. — сказал великан Михель. — Ну да мне не впервой выручать вашего брата. Говори попросту, сколько сот талеров нужно тебе для начала?

Он похлопал себя по карману, и деньги забренчали там так же звонко, как то золото, которое приснилось Петеру ночью.

Но сейчас этот звон почему-то не показался Петеру заманчивым. Сердце его испуганно сжалось. Он вспомнил слова старика о страшной расплате, которую требует Михель за свою помощь.

— Благодарю вас, сударь, — сказал он, — но я не желаю иметь с вами дело. Я знаю, кто вы такой!

И с этими словами он бросился бежать что было мочи.

Но Михель-Великан не отставал от него. Он шагал рядом с ним огромными шагами и глухо бормотал:

— Ты ещё раскаешься, Петер Мунк! Я по твоим глазам вижу, что раскаешься... На лбу у тебя это написано. Да не

беги же так быстро, послушай-ка, что я тебе скажу!.. А то будет поздно... Видишь вон ту канаву? Это уже конец моих владений...

Услышав эти слова, Петер бросился бежать ещё быстрее. Но уйти от Михеля было не так-то просто. Десять шагов Петера были короче, чем один шаг Михеля. Добежав почти до самой канавы, Петер оглянулся и чуть не вскрикнул — он увидел, что Михель уже занёс над его головой свой огромный багор.

Петер собрал последние силы и одним прыжком перескочил через канаву.

Михель остался на той стороне.

Страшно ругаясь, он размахнулся и швырнул Петеру вслед тяжёлый багор. Но гладкое, с виду крепкое, как железо, дерево разлетелось в щепки, словно ударилось о какую-то невидимую каменную стену. И только одна длинная щепка перелетела через канаву и упала возле ног Петера.

— Что, приятель, промахнулся? — закричал Петер и схватил щепку, чтобы запустить ею в Михеля-Великана.

Но в ту же минуту он почувствовал, что дерево ожило у него в руках.

Это была уже не щепка, а скользкая ядовитая змея. Он хотел было отшвырнуть её, но она успела крепко обвиться вокруг его руки и, раскачиваясь из стороны в сторону, всё ближе и ближе придвигала свою страшную узкую голову к его лицу.

И вдруг в воздухе прошумели большие крылья.

Огромный глухарь с лёта ударил змею своим крепким клювом, схватил её и взвился в высоту. Михель-Великан заскрежетал зубами, завыл, закричал и, погрозив кулаком кому-то невидимому, зашагал к своему логову.

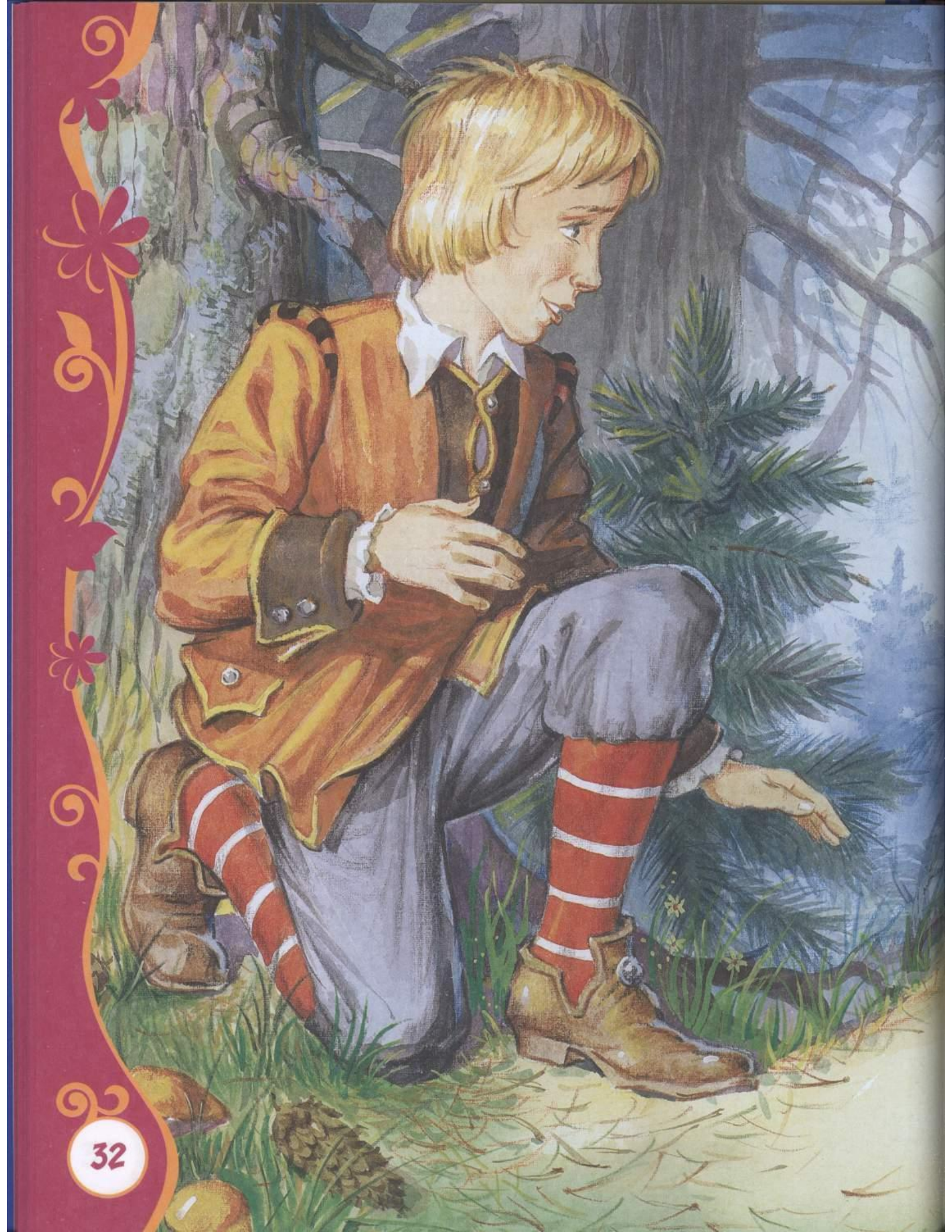
А Петер, полуживой от страха, отправился дальше своей дорогой.

Тропинка становилась всё круче, лес — всё гуще и глуше, и наконец Петер опять очутился возле огромной косматой ели на вершине горы.

Он снял шляпу, отвесил перед елью три низких — чуть не до самой земли — поклона и срывающимся голосом произнёс заветные слова:

— Под высокою сосной
В тесноте пещерной
Жил да был старик седой
С тайной сокровенной.
Дед был сказочно богат,
Прятал он в пещере клад.
Кто родился в день воскресный,
Тот получит дар чудесный.

Не успел он выговорить последнее слово, как чей-то тоненький, звонкий, как хрусталь, голосок сказал:

— Здравствуй, Петер Мунк!

И в ту же минуту он увидел под корнями старой ели крошечного старичка в чёрном кафтанчике, в красных чулочках, с большой остроконечной шляпой на голове. Старичок приветливо смотрел на Петера и поглаживал свою небольшую бородку — такую лёгкую, словно она была из паутины. Во рту у него была трубка из голубого стекла, и он то и дело попыхивал ею, выпуская густые клубы дыма.

Не переставая кланяться, Петер подошёл и, к немалому своему удивлению, увидел, что вся одежда на старичке: кафтанчик, шаровары, шляпа, башмаки — всё было сделано из разноцветного стекла, но только стекло это было совсем мягкое, словно ещё не остыло после плавки.

— Этот грубиян Михель, кажется, здорово напугал тебя, — сказал старичок. — Но я его славно проучил и даже отнял у него его знаменитый багор.

— Благодарю вас, господин Стекланный Человечек, — сказал Петер. — Я и вправду натерпелся страха. А вы, верно, и были тем почтенным глухарём, который заклевал змею? Вы мне спасли жизнь! Пропал бы я без вас. Но уж если вы так добры ко мне, сделайте милость, помогите мне ещё в одном деле. Я бедный угольщик, и живётся мне очень трудно. Вы и сами понимаете, что если с утра до ночи сидеть возле угольной ямы — далеко не уйдёшь. А я ещё молодой, мне хотелось бы узнать в жизни что-нибудь получше. Вот гляжу я на других — все люди как люди, им и почёт, и уважение, и богатство... Взять хотя бы Иезекиила Толстого или Вильма Красивого, короля танцев, — так ведь у них денег что соломы!..

— Петер, — строго перебил его Стекланный Человечек и, запыхтев трубкой, выпустил густое облако дыма, — никогда не говори мне об этих людях. И сам не думай о них. Сейчас тебе кажется, что на всём свете нет никого, кто был бы счастли-

вее их, а пройдёт год или два, и ты увидишь, что нет на свете никого несчастнее. И ещё скажу тебе: не презирай своего ремесла. Твой отец и дед были почтеннейшими людьми, а ведь они были угольщиками. Петер Мунк, я не хочу думать, что тебя привела ко мне любовь к безделью и лёгкой наживе.

Говоря это, Стекланный Человечек пристально смотрел Петеру прямо в глаза.

Петер покраснел.

— Нет, нет, — забормотал он, — я ведь и сам знаю, что лень — мать всех пороков, и всё такое прочее. Но разве я виноват, что моё ремесло мне не по душе? Я готов быть стекольщиком, часовщиком, сплавщиком — кем угодно, только не угольщиком.

— Станный вы народ — люди! — сказал, усмехаясь, Стекланный Человечек. — Всегда недовольны тем, что есть. Был бы ты стекольщиком — захотел бы стать сплавщиком, был бы сплавщиком — захотел бы стать стекольщиком. Ну да пусть будет по-твоему. Если ты обещаешь мне работать честно, не лентяй, — я помогу тебе. У меня заведён такой обычай: я исполняю три желания каждого, кто рождён в воскресенье между двенадцатью и двумя часами пополудни и кто сумеет меня найти. Два желания я исполняю, какие бы они ни были, даже самые глупые. Но третье желание сбывается только в том случае, если оно сто́ит того. Ну, Петер Мунк, подумай хорошенько и скажи мне, чего ты хочешь.

Но Петер не стал долго раздумывать.

От радости он подбросил вверх свою шляпу и закричал:

— Да здравствует Стекланный Человечек, самый добрый и могущественный из всех лесных духов!.. Если вы, мудрейший властелин леса, в самом деле хотите осчастливить меня, я скажу вам самое заветное желание моего сердца. Во-первых, я хочу уметь танцевать лучше самого короля танцев и всегда иметь в кармане столько же денег, сколько у самого Иезекиила Толстого, когда он садится за игорный стол...

— Безумец! — сказал, нахмурившись, Стекланный Человечек. — Неужели ты не мог придумать что-нибудь поумнее? Ну посуди сам: какая будет польза тебе и твоей бедной матери, если ты научишься выкидывать разные коленца и дрыгать ногами, как этот бездельник Вильм? И какой толк в деньгах, если ты будешь оставлять их за игорным столом, как этот плут Иезекиил Толстый? Ты сам губишь своё счастье, Петер Мунк. Но сказанного не воротишь — твоё желание будет исполнено. Говори же, чего бы ты хотел ещё? Но смотри, на этот раз будь поумнее!

Петер задумался. Он долго морщил лоб и тёр затылок, пытаясь придумать что-нибудь умное, и наконец сказал:

— Я хочу быть владельцем самого лучшего и самого большого стекольного завода, какой только есть в Шварцвальде. Ну и, конечно, мне нужны деньги, чтобы пустить его в ход.

— И это всё? — спросил Стекланный Человечек, испытующе глядя на Петера. — Неужели это всё? Подумай хорошенько, что ещё тебе нужно?

— Ну, если вам не жалко, прибавьте ко второму желанию ещё пару лошадок и коляску! И хватит...

— Глупый же ты человек, Петер Мунк! — воскликнул Стекланный Человечек и со злости так швырнул свою стеклянную трубку, что она ударилась о ствол ели и разлетелась вдребезги. — «Лошадок, коляску»!.. Ума-разума надо тебе, понимаешь? Ума-разума, а не лошадок и коляску. Ну да всё-таки второе твоё желание поумней первого. Стекольный завод — это дело стоящее. Если вести его с умом, и лошадки, и коляска, и всё у тебя будет.

— Так ведь у меня остаётся ещё одно желание, — сказал Петер, — и я могу пожелать себе ума, если это так уж необходимо, как вы говорите.

— Погоди, побереги третье желание про чёрный день. Кто знает, что ещё ждёт тебя впереди! А теперь ступай домой. Да возьми для начала вот это, — сказал Стекланный Человечек и вынул из кармана кошелек, набитый деньгами. — Здесь ровно две тысячи гульденов. Три дня тому назад умер старый Винкфриц, хозяин большого стекольного

завода. Предложи его вдове эти деньги, и она с радостью продаст тебе свой завод. Но помни: работа кормит только того, кто любит работу. Да не водись с Иезекиилом Толстым и пореже заходи в трактир. Это к добру не приведёт. Ну прощай. Я буду изредка заглядывать к тебе, чтобы помочь советом, когда тебе не будет хватать своего ума-разума.

С этими словами человек вытащил из кармана новую трубку из самого лучшего матового стекла и набил сухими еловыми иглами.

Потом, крепко прикусив её мелкими, острыми, как у белки, зубками, он достал из другого кармана огромное увеличительное стекло, поймал в него солнечный луч и закурил.

Лёгкий дымок поднялся над стеклянной чашечкой. На Петера пахнуло нагретой солнцем смолой, свежими еловыми побегами, мёдом и почему-то самым лучшим голландским табаком. Дым делался всё гуще, гуще и наконец превратился в целое облако, которое, клубясь и курчавясь, медленно растаяло в верхушках елей. А вместе с ним исчез и Стекло-Личный Человек.

Петер ещё долго стоял перед старой елью, протирая глаза и вглядываясь в густую, почти чёрную хвою, но так никого и не увидел. На всякий случай он низко поклонился большой ёлке и пошёл домой.

Свою старую мать он застал в слезах и тревоге. Бедная женщина думала, что её Петера забрали в солдаты и ей не скоро уже придётся с ним увидаться.

Какова же была её радость, когда её сын вернулся домой, да ещё с кошельком, набитым деньгами! Петер не стал рассказывать матери о том, что с ним было на самом деле. Он сказал, что повстречал в городе одного доброго приятеля, который дал ему взаймы целых две тысячи гульденов, чтобы Петер мог начать стекольное дело.

Мать Петера прожила всю жизнь среди угольщиков и привыкла видеть всё вокруг чёрным от сажи, как мельничиха привыкает видеть всё кругом белым от муки. Поэтому сначала её не очень-то обрадовала предстоящая перемена. Но в конце концов она и сама размышляла о новой, сытой и спокойной, жизни.

«Да, что там ни говори, — думала она, — а быть матерью стекольного заводчика почётнее, чем быть матерью простого угольщика. Соседки Грета и Бета мне теперь не чета. И в церкви я с этих пор буду сидеть не у стены, где меня никто не видит, а на передних скамейках, рядом с женой господина бургомистра, матерью господина пастора и тётушкой господина судьи...»

На следующий день Петер чуть свет отправился к вдове старого Винкфрица.

Они быстро поладили, и завод со всеми работниками перешёл к новому хозяину.

Вначале стекольное дело очень нравилось Петеру.

Целые дни, с утра до вечера, он проводил у себя на заводе. Придёт, бывало, не спеша, и, заложив руки за спину, как делал это старый Винкфриц, важно расхаживает по своим владениям, заглядывая во все углы и делая замечания то одному работнику, то другому. Он и не слышал, как за его спиной работники посмеивались над советами неопытного хозяина.

Больше всего нравилось Петеру смотреть, как работают стеклодувы. Иногда он и сам брал длинную трубку и выдувал из мягкой неостывшей массы пузатую бутылку или какую-нибудь затейливую, ни на что не похожую фигурку.

Но скоро всё это ему надоело. Он стал приходить на завод всего на часок, потом через день, через два и под конец не чаще чем раз в неделю.

Работники были очень довольны и делали что хотели. Словом, порядка на заводе не стало никакого. Всё пошло кривь и вкось.

А началось всё с того, что Петеру вздумалось заглянуть в трактир.

Он отправился туда в первое же воскресенье после покупки завода.

В трактире было весело. Играла музыка, и посреди зала, на удивление всем собравшимся, лихо отплясывал король танцев — Вильм Красивый.

А перед кружкой пива сидел Иезекиил Толстый и играл в кости, не глядя бросая на стол звонкие монеты.

Петер поспешно сунул руку в карман, чтобы проверить, сдержал ли Стекланный Человечек своё слово. Да, сдержал! Карманы его были битком набиты серебром и золотом.

«Ну так, верно, и насчёт танцев он меня не подвёл», — подумал Петер.

И как только музыка заиграла новый танец, он подхватил какую-то девушку и стал с ней в пару против Вильма Красивого.

Ну и пляска же это была! Вильм подпрыгивал на три четверти, а Петер — на четыре, Вильм кружился волчком, а Петер ходил колесом, Вильм выгибал ноги кренделем, а Петер закручивал штопором.

С тех пор как стоял этот трактир, никто никогда не видел ничего подобного.

Петеру кричали «Ура!» и единодушно провозгласили его королём над всеми королями танцев.

Когда же все трактирные завсегдатаи узнали, что Петер только что купил себе стекольный завод, когда заметили, что каждый раз, проходя в танце мимо музыкантов, он бросает им золотую монету, — общему удивлению не было конца.

Одни говорили, что он нашёл в лесу клад, другие — что он получил наследство, но все сходились на том, что Петер Мунк самый славный парень во всей округе.

Наплясавшись вволю, Петер подсел к Иезекиилу Толстому и вызвался сыграть с ним партию-другую. Он сразу же поставил двадцать гульденов и тут же проиграл их. Но это его ни сколько не смутило. Как только Иезекиил положил свой выигрыш в карман, в кармане у Петера тоже прибавилось ровно двадцать гульденов.

Словом, всё получилось точь-в-точь, как хотел Петер. Он хотел, чтобы в кармане у него всегда было столько же денег, сколько у Иезекиила Толстого, и Стекланный Человечек исполнил его желание. Поэтому чем больше денег переходило из его кармана в карман толстого Иезекиила, тем больше денег становилось в его собственном кармане.

А так как игрок он был из рук вон плохой и всё время проигрывал, то нет ничего удивительного, что он постоянно был в выигрыше.

С тех пор Петер стал проводить за игорным столом все дни, и праздничные, и будничные.

Люди так привыкли к этому, что называли его уже не королём над всеми королями танцев, а просто Петером-игроком.

Но хоть он стал теперь бесшабашным кутилой, сердце у него по-прежнему было доброе. Он без счёта раздавал деньги беднякам, так же как без счёта пропивал и проигрывал.

И вдруг Петер с удивлением стал замечать, что денег у него становится всё меньше и меньше. А удивляться было нечему. С тех пор как он стал бывать в трактире, стекольное дело он совсем забросил, и теперь завод приносил ему не доходы, а убытки. Заказчики перестали обращаться к Петеру, и скоро ему пришлось за полцены продать весь товар бродячим торговцам только для того, чтобы расплатиться со своими мастерами и подмастерьями.

Однажды вечером Петер шёл из трактира домой. Он выпил изрядное количество вина, но на этот раз вино несколько не развеселило его.

С ужасом думал он о своём неминуемом разорении. И вдруг Петер заметил, что рядом с ним кто-то идёт мелкими быстрыми шажками. Он оглянулся и увидел Стеклянного Человечка.

— Ах, это вы, сударь! — сказал Петер сквозь зубы. — Пришли полюбоваться моим несчастьем? Да, нечего сказать, щедро вы наградили меня!.. Врагу не пожелаю такого покровителя! Ну что вы мне теперь прикажете делать? Того и гляди, пожалует сам начальник округа и пустит за долги с публичного торга всё моё имущество. Право же, когда я был жалким угольщиком, у меня было меньше огорчений и забот...

— Так, — сказал Стекланный Человечек, — так! Значит, по-твоему, это я виноват во всех твоих несчастьях? А по-моему, ты сам виноват в том, что не сумел пожелать ничего путного. Для того чтобы стать хозяином стекольного дела, голубчик, надо прежде всего быть толковым человеком и знать мастерство. Я тебе и раньше говорил и теперь скажу: ума тебе не хватает, Петер Мунк, ума и сообразительности!

— Какого там ещё ума!.. — закричал Петер, задыхаясь от обиды и злости. — Я нисколько не глупее всякого другого и докажу тебе это на деле, еловая шишка!

С этими словами Петер схватил Стекланного Человечка за шиворот и стал трясти его изо всех сил.

— Ага, попался, властелин лесов? Ну-ка, исполняй третье моё желание! Чтобы сейчас же на этом самом месте был мешок с золотом, новый дом и... Ай-ай!.. — завопил он вдруг не своим голосом.

Стекланный Человечек как будто вспыхнул у него в руках и засветился ослепительно-белым пламенем. Вся его стекланная одежда раскалилась, и горячие, колющие искры так и брызнули во все стороны.

Петер невольно разжал пальцы и замахал в воздухе обожжённой рукой.

В это самое мгновение над ухом у него раздался лёгкий, как звон стекла, смех — и всё стихло.

Стекланный Человечек пропал.

Несколько дней не мог Петер позабыть об этой неприятной встрече.

Он бы и рад был не думать о ней, да распухшая рука всё время напоминала ему о его глупости и неблагодарности.

Но мало-помалу рука у него зажила, и на душе стало легче.

— Если даже и продадут мой завод, — успокаивал он себя, — у меня всё-таки останется толстый Иезекиил. Пока у него в кармане есть деньги, и я не пропаду.

Так-то оно так, Петер Мунк, а вот если денег у Иезекиила не станет, что тогда? Но Петеру это даже и в голову не приходило.

А между тем случилось именно то, чего он не предвидел, и в один прекрасный день произошла очень странная история, которую никак нельзя объяснить законами арифметики.

Однажды в воскресенье Петер, как обычно, пришёл в трактир.

— Добрый вечер, хозяин, — сказал он с порога. — Что, толстый Иезекиил уже здесь?

— Заходи, заходи, Петер, — отозвался сам Иезекиил. — Место для тебя оставлено.

Петер подошёл к столу и сунул руку в карман, чтобы узнать, в проигрыше или выигрыше толстый Иезекиил. Оказалось, в большом выигрыше. Об этом Петер мог судить по своему собственному, туго набитому карману.

Он подсел к игрокам и так провёл время до самого вечера, то выигрывая партию, то проигрывая. Но сколько он ни проигрывал, деньги у него в кармане не убывали, потому что Иезекиилу Толстому всё время везло.

Когда за окнами стемнело, игроки один за другим стали расходиться по домам. Поднялся и толстый Иезекиил. Но Петер так уговаривал его остаться и сыграть ещё партию-другую, что тот наконец согласился.

— Ну хорошо, — сказал Иезекиил. — Только сначала я пересчитаю свои деньги. Будем бросать кости. Ставка — пять гульденов. Меньше нет смысла: детская игра!.. — Он вытащил свой кошелёк и стал считать деньги. — Ровно сто гульденов! — сказал он, пряча кошелёк в карман.

Теперь и Петер знал, сколько у него денег: ровно сто гульденов. И считать не надо было.

И вот игра началась. Первым бросил кости Иезекиил — восемь очков! Бросил кости Петер — десять очков!

Так и пошло: сколько раз ни бросал кости Иезекиил Толстый, у Петера всегда было больше ровно на два очка.

Наконец толстяк выложил на стол свои последние пять гульденов.

— Ну, бросай ещё раз! — крикнул он. — Но так и знай, я не сдамся, даже если проиграю и теперь. Ты одолжишь мне несколько монет из своего выигрыша. Порядочный человек всегда выручает приятеля в затруднении.

— Да о чём там говорить! — сказал Петер. — Мой кошелёк всегда к твоим услугам.

Толстый Иезекиил встряхнул кости и бросил на стол.

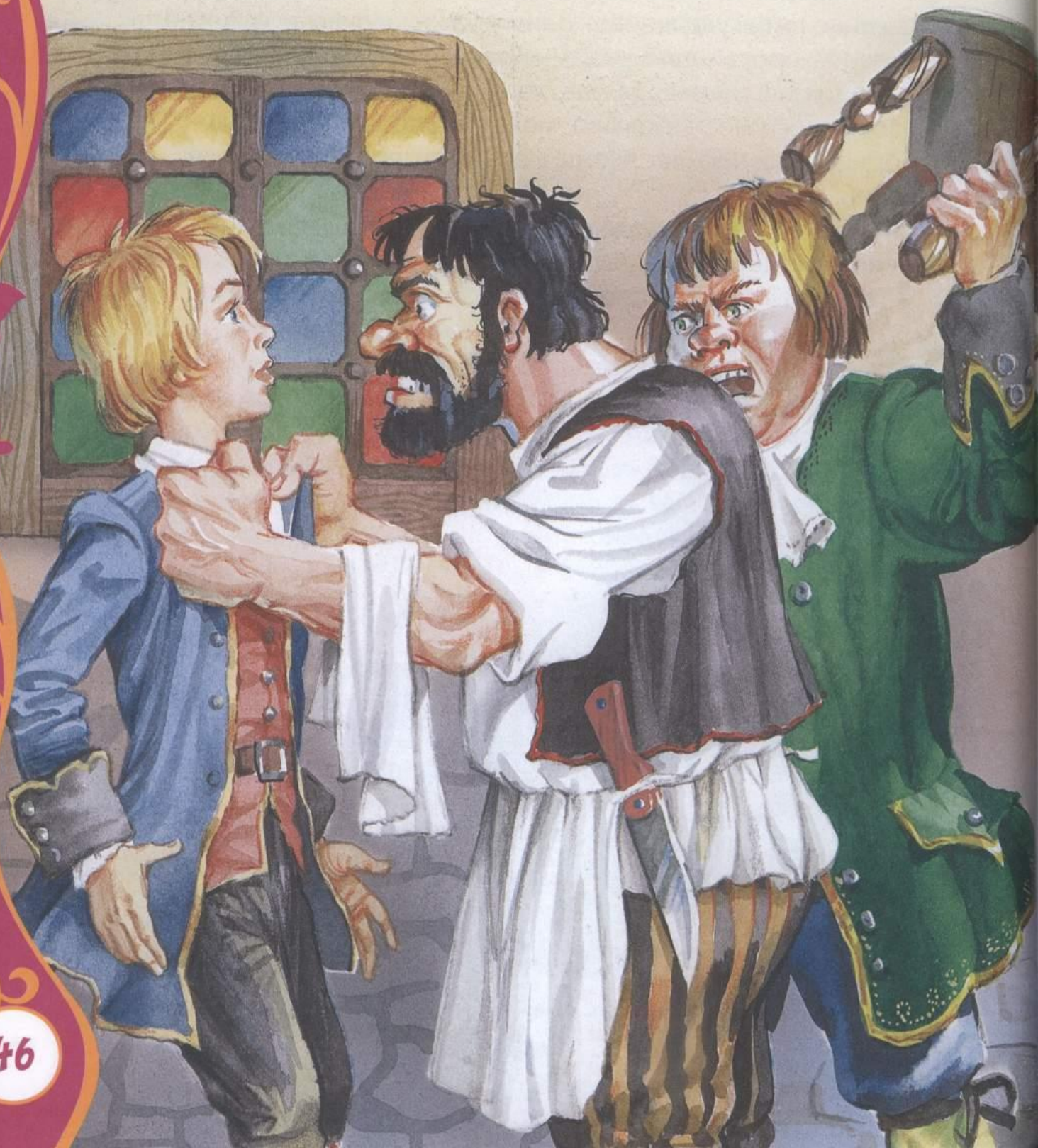

— Пятнадцать! — сказал он. — Теперь посмотрим, что у тебя.

Петер не глядя швырнул кости.

— Моя взяла! Семнадцать!.. — крикнул он и даже засмеялся от удовольствия.

В ту же минуту за его спиной раздался чей-то глухой, хриплый голос:

— Это была твоя последняя игра!

Петер в ужасе оглянулся и увидел за своим стулом огромную фигуру Михеля-Голландца. Не смея пошевелиться, Петер так и замер на месте.

А толстый Иезекиил никого и ничего не видел.

— Дай мне скорей десять гульденов, и будем продолжать игру! — нетерпеливо сказал он.

Петер как во сне сунул руку в карман. Пусто! Он пошарил в другом кармане — и там не больше.

Ничего не понимая, Петер вывернул оба кармана наизнанку, но не нашёл в них даже самой мелкой монетки.

Тут он с ужасом вспомнил о своём первом желании. Проклятый Стекланный Человечек сдержал своё слово до конца: Петер хотел, чтобы денег у него было столько же, сколько в кармане у Иезекиила Толстого, и вот у Иезекиила Толстого нет ни гроша, и в кармане у Петера — ровно столько же!

Хозяин трактира и Иезекиил Толстый смотрели на Петера, вытаращив глаза. Они никак не могли понять, куда же девал он выигранные деньги. А так как Петер на все их вопросы не мог ответить ничего путного, то они решили, что он попросту не хочет расплачиваться с трактирщиком и боится поверить в долг Иезекиилу Толстому.

Это привело их в такую ярость, что они вдвоём накинулись на Петера, избили его, сорвали с него кафтан и вытолкали за дверь.

Ни одной звёздочки не видно было на небе, когда Петер пробирался к себе домой.

Темень была такая, что хоть глаз выколи, и всё-таки он различил рядом с собой какую-то огромную фигуру, которая была темней темноты.

— Ну, Петер Мунк, твоя песенка спета! — сказал знакомый хриплый голос. — Теперь ты видишь, каково приходится тем, кто не хочет слушать моих советов. А ведь сам виноват! Вольно же тебе было водиться с этим скупым старикашкой, с этим жалким стекланным пузырьком!.. Ну да ещё не всё

потеряно. Я не злопамятен. Слушай, завтра я целый день буду у себя на горе. Приходи и позови меня. Не расквесишься!

Сердце похолодело у Петера, когда он понял, кто с ним говорит. Михель-Великан! Опять Михель-Великан!.. Сломая голову Петер бросился бежать, сам не зная куда.

II

Когда в понедельник утром Петер пришёл на свой стекольный завод, он застал там непрошенных гостей — начальника округа и трёх судейских.

Начальник вежливо поздоровался с Петером, спросил, хорошо ли он почивал и как его здоровье, а потом вытащил из кармана длинный список, в котором стояли имена всех, кому Петер был должен.

— Собираетесь ли вы, сударь, заплатить всем этим лицам? — спросил начальник, строго глядя на Петера. — Если собираетесь, прошу вас поторопиться. Времени у меня немного, а до тюрьмы добрых три часа ходу.

Петеру пришлось сознаться, что платить ему нечем, и судейские без долгих разговоров приступили к описи его имущества.

Они описали дом и пристройки, завод и конюшню, коляску и лошадей. Описали стеклянную посуду, которая стояла в кладовых, и метлу, которой подметают двор... Словом, всё-всё, что только попало им на глаза.

Пока они расхаживали по двору, всё разглядывая, ощупывая и оценивая, Петер стоял в стороне и посвистывал, стараясь показать, что это его нимало не беспокоит. И вдруг в ушах у него зазвучали слова Михеля: «Ну, Петер Мунк, твоя песенка спета!..»

Сердце у него тревожно ёкнуло, и кровь застучала в висках.

«А ведь до Еловой горы совсем не так далеко, ближе, чем до тюрьмы, — подумал он. — Если маленький не захотел помочь, что ж, пойду попрошу большого...»

И, не дожидаясь, покуда судейские кончат своё дело, он украдкой вышел за ворота и бегом побежал в лес.

Он бежал быстро — быстрее, чем заяц от гончих собак, — и сам не заметил, как очутился на вершине Еловой горы.

Когда он пробежал мимо старой большой ели, под которой в первый раз разговаривал со Стеклянным Человечком, ему показалось, что чьи-то невидимые руки стараются поймать и удержать его. Но он вырвался и опрометью побежал дальше...

Вот и канава, за которой начинаются владения Михеля-Великана!..

Одним прыжком перемахнул Петер на ту сторону и, едва отдышавшись, крикнул:

— Господин Михель! Михель-Великан!..

И не успело эхо откликнуться на его крик, как перед ним словно из-под земли выросла знакомая страшная фигура — чуть ли не в сосну ростом, в одежде плотогона, с огромным багром на плече...

Михель-Великан явился на зов.

— Ага, пришёл-таки! — сказал он, смеясь. — Ну что, дочиста облупили тебя? Шкура-то ещё цела, или, может, и ту содрали и продали за долги? Да полно, полно, не горюй! Пойдём-ка лучше ко мне, потолкуем... Авось и сговоримся...

И он зашагал саженными шагами в гору по каменной узкой тропинке.

«Сговоримся?.. — думал Петер, стараясь не отстать от него. — Чего же ему от меня надо? Сам ведь знает, что у меня ни гроша за душой... Работать на себя заставит, что ли?»

Лесная тропинка становилась всё круче и круче и наконец оборвалась. Они очутились перед глубоким тёмным ущельем.

Михель-Великан не задумываясь сбежал по отвесной скале, словно это была пологая лестница. А Петер остановился на самом краю, со страхом глядя вниз и не понимая, что же ему делать дальше. Ущелье было такое глубокое, что сверху даже Михель-Великан казался маленьким, как Стекланный Человечек.

И вдруг — Петер едва мог поверить своим глазам — Михель стал расти. Он рос, рос, пока не стал вышиной с кёльнскую колокольню. Тогда он протянул Петеру руку, длинную, как багор, подставил ладонь, которая была больше, чем стол в трактире, и сказал голосом гулким, как погребальный колокол:

— Садись ко мне на руку да покрепче держись за палец! Не бойся, не упадёшь!

Замирая от ужаса, Петер перешагнул на ладонь великана и ухватился за его большой палец. Великан стал медленно опускать руку, и чем ниже он её опускал, тем меньше становился сам.

Когда он наконец поставил Петера на землю, он уже опять был такого роста, как всегда, — гораздо больше человека, но немного меньше сосны.

Петер оглянулся по сторонам. На дне ущелья было так же светло, как наверху, только свет здесь был какой-то неживой — холодный, резкий. От него делалось больно глазам.

Вокруг не было видно ни дерева, ни куста, ни цветка. На каменной площадке стоял большой дом, обыкновенный дом — не хуже и не лучше, чем те, в которых живут богатые шварцвальдские плотогоны, разве что побольше, а так — ничего особенного.

Михель, не говоря ни слова, отворил дверь, и они вошли в горницу. И здесь всё было, как у всех: деревянные стенные часы — изделие шварцвальдских часовщиков, — изразцовая расписная печь, широкие скамьи, всякая домашняя утварь на полках вдоль стен.

Только почему-то казалось, что здесь никто не живёт, — от печки веяло холодом, часы молчали.

— Ну присаживайся, приятель, — сказал Михель. — Выпьем по стакану вина.

Он вышел в другую комнату и скоро вернулся с большим кувшином и двумя пузатыми стеклянными стаканами — точь-в-точь такими, какие делали на заводе у Петера.

Налив вина себе и гостю, он завёл разговор о всякой всячине, о чужих краях, где ему не раз довелось побывать, о прекрасных городах и реках, о больших кораблях, пересекающих моря, и наконец так раззадорил Петера, что тому до смерти захотелось поехать по белу свету и посмотреть на все его диковинки.

— Да, вот это жизнь!.. — сказал он. — А мы-то, дураки, сидим весь век на одном месте и ничего не видим, кроме ёлок да сосен.

— Что ж, — лукаво прищурившись, сказал Михель-Великан. — И тебе пути не заказаны. Можно и постранствовать, и делом позаняться. Всё можно — только бы хватило смелости, твёрдости, здравого смысла... Только бы не мешало глупое сердце!.. А как оно мешает, чёрт побери!.. Вспомни-ка, сколько раз тебе в голову приходили какие-нибудь славные затеи, а сердце вдруг дрогнет, заколотится, ты и струсишь ни с того ни с сего. А если кто-нибудь обидит тебя, да ещё ни за что ни про что? Кажется, и думать не о чем, а сердце ноет, щемит... Ну вот скажи-ка мне сам: когда тебя вчера вечером обозвали обманщиком и вытолкали из трактира, голова у тебя заболела, что ли? А когда судейские описали твой завод и дом, у тебя, может быть, заболел живот? Ну, говори прямо, что у тебя заболело?

— Сердце, — сказал Петер.

И, словно подтверждая его слова, сердце у него в груди тревожно сжалось и забилося часто-часто.

— Так, — сказал Михель-Великан и покачал головой. — Мне вот говорил кое-кто, что ты, покуда у тебя были деньги, не жалея, раздавал их всяким побирушкам да попрошайкам. Правда это?

— Правда, — шёпотом сказал Петер.

Михель кивнул головой.

— Так, — повторил он опять. — А скажи мне, зачем ты это делал? Какая тебе от этого польза? Что ты получил за свои деньги? Пожелания всяких благ и доброго здоровья! Ну и что же, ты стал от этого здоровее? Да половины этих выброшенных денег хватило бы, чтобы держать при себе хорошего врача. А это было бы гораздо полезнее для твоего здоровья, чем все пожелания, вместе взятые. Знал ты это? Знал. Что же тебя заставляло всякий раз, когда какой-нибудь грязный нищий протягивал тебе свою помятую шляпу, опускать руку в карман? Сердце, опять-таки сердце, а не глаза, не язык, не руки и не ноги. Ты, как говорится, слишком близко всё принимал к сердцу.

— Но как же сделать, чтобы этого не было? — спросил Петер. — Сердцу не прикажешь!.. Вот и сейчас — я бы так хотел, чтоб оно перестало дрожать и болеть. А оно дрожит и болит.

Михель засмеялся.

— Ну ещё бы! — сказал он. — Где тебе с ним справиться! Люди покрепче и те не могут совладать со всеми его прихотями и причудами. Знаешь что, братец, отдай-ка ты его лучше мне. Увидишь, как я с ним управлюсь.

— Что? — в ужасе закричал Петер. — Отдать вам сердце?.. Но ведь я же умру на месте. Нет, нет, ни за что!

— Пустое! — сказал Михель. — Это если бы кто-нибудь из ваших господ хирургов вздумал вынуть из тебя сердце, тогда ты бы, конечно, не прожил и минуты. Ну, а я — другое дело. И жив будешь, и здоров, как никогда. Да вот поди сюда, погляди своими глазами... Сам увидишь, что бояться нечего.

Он встал, отворил дверь в соседнюю комнату и поманил Петера рукой:

— Входи сюда, приятель, не бойся! Тут есть на что поглядеть.

Петер переступил порог и невольно остановился, не смея поверить своим глазам.

Сердце в груди у него так сильно сжалось, что он едва перевёл дыхание.

Вдоль стен на длинных деревянных полках стояли рядами стеклянные банки, до самых краёв налитые какой-то прозрачной жидкостью.

А в каждой банке лежало человеческое сердце. Сверху на ярлычке, приклеенном к стеклу, было написано имя и прозвище того, в чьей груди оно раньше билось.

Петер медленно пошёл вдоль полок, читая ярлычок за ярлычком. На одном было написано: «Сердце господина начальника округа», на другом — «Сердце главного лесничего». На третьем просто — «Иезекиил Толстый», на пятом — «Король танцев».

Дальше подряд стояли шесть сердец скупщиков хлеба, три сердца богатых ростовщиков, два таможенных сердца, четыре судебных...

Словом, много сердец и много почтенных имён, известных всей округе.

— Видишь, — сказал Михель-Великан, — ни одно из этих сердец не сжимается больше ни от страха, ни от огорчения. Их бывшие хозяева избавились раз навсегда от всяких забот, тревог, пороков сердца и прекрасно чувствуют себя, с тех пор как выселили из своей груди беспокойного жильца.

— Да, но что же теперь у них в груди вместо сердца? — спросил, запинаясь, Петер, у которого голова пошла кругом от всего, что он видел и слышал.

— А вот что, — спокойно ответил Михель.

Он выдвинул какой-то ящик и достал оттуда каменное сердце.

— Это? — переспросил Петер, задыхаясь, и холодная дрожь пробежала у него по спине. — Мраморное сердце?.. Но ведь от него, должно быть, очень холодно в груди?

— Конечно, оно немного холодит, — сказал Михель, — но это очень приятная прохлада. Да и зачем, собственно, сердце непременно должно быть горячим? Зимой, когда

холодно, вишнёвая наливка греет куда лучше, чем самое горячее сердце. А летом, когда и без того душно и жарко, ты и не поверишь, как славно освежает такое мраморное сердечко. А главное — оно-то уж не забудётся у тебя ни от страха, ни от тревоги, ни от глупой жалости. Очень удобно!

Петер пожал плечами.

— И это всё, зачем вы меня позвали? — спросил он у великана. — По правде сказать, не того я ожидал от вас. Мне нужны деньги, а вы мне предлагаете камень.

— Ну, я думаю, ста тысяч гульденов хватит тебе на первое время, — сказал Михель. — Если сумеешь выгодно пустить их в оборот, ты можешь стать настоящим богачом.

— Сто тысяч!.. — закричал, не веря своим ушам, бедный угольщик, и сердце его забилося так сильно, что он невольно придержал его рукой. — Да не колотись ты, неугомонное! Скоро я навсегда разделаюсь с тобой... Господин Михель, я согласен на всё! Дайте мне деньги и ваш камешек, а этого бестолкового барабанщика можете взять себе.

— Я так и знал, что ты парень с головой, — дружески улыбаясь, сказал Михель. — По этому случаю следует выпить. А потом и делом займёмся.

Они уселись за стол и выпили по стакану крепкого, густого, точно кровь, вина, потом ещё по стакану, ещё по стакану, и так до тех пор, пока большой кувшин не опустел совсем.

В ушах у Петера зашумело и, уронив голову на руки, он заснул мёртвым сном.

Петера разбудили весёлые звуки почтового рожка. Он сидел в прекрасной карете. Лошади мерно стучали копытами, и карета быстро катилась. Выглянув из окошка, он увидел далеко позади горы Шварцвальда в дымке синего тумана.

Сначала он никак не мог поверить, что это он сам, угольщик Петер Мунк, сидит на мягких подушках в богатой барской карете. Да и платье на нём было такое, какое ему и во сне не снилось... А всё-таки это был он, угольщик Петер Мунк!..

На минуту Петер задумался. Вот он первый раз в жизни покидает эти горы и долины, поросшие еловым лесом. Но почему-то ему совсем не жалко уезжать из родных мест. Да и мысль о том, что он оставил свою старуху-мать одну, в нужде и тревоге, не сказав ей на прощание ни одного слова, тоже нисколько не опечалила его.

«Ах да, — вспомнил он вдруг, — ведь у меня теперь каменное сердце!.. Спасибо Михелю-Голландцу — он избавил меня от всех этих слёз, вздохов, сожалений...»

Он приложил руку к груди и почувствовал только лёгкий холодок. Каменное сердце не билось.

«Ну относительно сердца он сдержал своё слово, — подумал Петер. — А вот как насчёт денег?»

Он принялся осматривать карету и среди вороха всяких дорожных вещей нашёл большую кожаную сумку, туго набитую золотом и чеками на торговые дома во всех больших городах.

«Ну, теперь всё в порядке», — подумал Петер и уселся поудобнее среди мягких кожаных подушек

Так началась новая жизнь господина Петера Мунка.

Два года ездил он по белу свету, много видел, но ничего не заметил, кроме почтовых станций, вывесок на домах да гостиниц, в которых он останавливался.

Впрочем, Петер всегда нанимал человека, который показывал ему достопримечательности каждого города.

Глаза его смотрели на прекрасные здания, картины и сады, уши слушали музыку, весёлый смех, умные беседы, но ничто его не занимало и не радовало, потому что сердце у него всегда оставалось холодным.

Только и было у него удовольствия, что сытно есть и сладко спать.

Однако все кушанья ему почему-то скоро приелись, а сон стал бежать от него. И ночью, ворочаясь с боку на бок, он не раз вспоминал о том, как хорошо ему спалось в лесу около угольной ямы и как вкусен был жалкий обед, который приносила из дому мать.

Ему никогда теперь не бывало грустно, но зато не бывало и весело.

Если другие смеялись при нём, он только из вежливости растягивал губы.

Ему даже казалось иногда, что он просто разучился смеяться, а ведь прежде, бывало, его мог насмешить всякий пустяк.

В конце концов ему стало так скучно, что он решил вернуться домой. Не всё ли равно, где скучать?

Когда он снова увидел тёмные леса Шварцвальда и добродушные лица земляков, кровь на мгновение прилила к его сердцу, и ему даже показалось, что он сейчас обрадуется. Нет! Каменное сердце осталось таким же холодным, как было. Камень — это камень.

Вернувшись в родные места, Петер раньше всего пошёл повидаться с Михелем-Голландцем. Тот встретил его по-приятельски.

— Здорово, дружище! — сказал он. — Ну что, хорошо съездил? Повидал белый свет?

— Да как вам сказать... — ответил Петер. — Видел я, разумеется, немало, но всё это глупости, одна скука... Вообще должен вам сказать, Михель, что этот камешек, которым вы меня наградили, не такая уж находка. Конечно, он меня избавляет от многих неприятностей. Я никогда не сержусь, не грущу, но зато никогда и не радуюсь. Словно я живу наполовину... Нельзя ли сделать его хоть немного поживее? А ещё лучше — отдайте мне моё прежнее сердце. За двадцать пять лет я порядком привык к нему, и хоть иной раз оно и пошаливало — всё же это было весёлое, славное сердце.

Михель-Великан расхохотался.

— Ну и дурак же ты, Петер Мунк, как я погляжу, — сказал он. — Ездил-ездил, а ума не набрался. Ты знаешь, отчего тебе скучно? От безделья. А ты всё валишь на сердце. Сердце тут решительно ни при чём. Ты лучше послушай меня: построй себе дом, женись, пусти деньги в оборот. Когда каждый гульден будет у тебя превращаться в десять, тебе станет так весело, как никогда. Деньгам даже камень обрадуется.

Петер без долгих споров согласился с ним. Михель-Голландец тут же подарил ему ещё сто тысяч гульденов, и они расстались друзьями.

Скоро по всему Шварцвальду пошла молва о том, что угольщик Петер Мунк воротился домой ещё богаче, чем был до отъезда.

И тут случилось то, что обычно бывает в таких случаях. Он опять стал желанным гостем в трактире, все кланялись ему, спешили пожать руку, каждый рад был назвать его своим другом.

Стекольное дело он бросил и начал торговать лесом. Но и это было только для вида.

На самом деле он торговал не лесом, а деньгами: давал их займы и получал назад с лихвою.

Мало-помалу половина Шварцвальда оказалась у него в долгу.

С начальником округа он был теперь запанибрата. И стоило Петеру только заикнуться, что кто-то не уплатил ему деньги в срок, как судейские мигом налетали на дом несчастного должника, всё описывали, оценивали и продавали с молотка. Таким образом каждый гульден, который Петер получил от Михеля-Голландца, очень скоро превратился в десять.

Правда, сначала господину Петеру Мунку немного докучали мольбы, слёзы и упрёки. Целые толпы должников днём и ночью осаждали его двери. Мужчины умоляли об отсрочке, женщины старались слезами смягчить его каменное сердце, дети просили хлеба...

Однако всё это уладилось как нельзя лучше, когда Петер обзавёлся двумя огромными овчарками. Стоило спустить их с цепи, как вся эта, по выражению Петера, «кошачья музыка» мигом прекращалась.

Но больше всего досаждала ему «старуха» (так называл он свою мать, госпожу Мунк).

Когда Петер вернулся из странствий, снова разбогатевший и всеми уважаемый, он даже не зашёл в её бедную хижину.

Старая, полуголодная, больная, она приходила к нему во двор, опираясь на палку, и робко останавливалась у порога.

Просить у чужих она не смела, чтобы не позорить своего богатого сына, и каждую субботу приходила к его дверям, ожидая подаяния и не решаясь войти в дом, откуда один раз её уже выгнали.

Завидя старуху из окна, Петер, сердито хмурясь, доставал из кармана несколько медяков, заворачивал их в клочок бумаги и, кликнув слугу, высылал матери. Он слышал, как она дрожащим голосом благодарила его и желала ему всякого благополучия, слышал, как, покашливая и постукивая палочкой, пробиралась она мимо его окон, но думал только о том, что вот опять понапрасну истратил несколько грошей.

Да что и говорить, теперь это был уже не тот Петер Мунк, бесшабашный весельчак, который без счёта бросал деньги бродячим музыкантам и всегда был готов помочь первому встречному бедняку. Нынешний Петер Мунк хорошо знал цену деньгам и ничего другого не желал знать.

С каждым днём он делался всё богаче и богаче, но веселее ему не становилось.

И вот, вспомнив совет Михеля-Великана, он решил жениться.

Петер знал, что любой почтенный человек в Шварцвальде с радостью отдаст за него свою дочь, но он был

разборчив. Ему хотелось, чтобы все хвалили его выбор и завидовали его счастью. Он объехал весь край, заглянул во все углы и закоулки, посмотрел всех невест, но ни одна из них не показалась ему достойной стать супругой господина Мунка.

Наконец на одной вечеринке ему сказали, что самая красивая и скромная девушка во всём Шварцвальде — это Лизбет, дочь бедного дровосека. Но она никогда не бывает на танцах, сидит дома, шьёт, хозяйничает и ухаживает за стариком-отцом. Лучше этой невесты нет не только в здешних местах, но и на всём свете.

Не откладывая дела, Петер собрался и поехал к отцу красавицы. Бедный дровосек был очень удивлён посещением такого важного господина. Но ещё больше удивился он, когда узнал, что этот важный господин хочет посвататься к его дочери.

Как было не ухватиться за такое счастье!

Старик решил, что его горестям и заботам пришёл конец, и недолго думая дал Петеру согласие, даже не спросив красавицу Лизбет.

А красавица Лизбет была покорной дочерью. Она беспрекословно исполнила волю отца и стала госпожой Мунк.

Но невесело жилось бедняжке в богатом доме её мужа. Все соседи считали её примерной хозяйкой, а господину Петеру она никак не могла угодить.

У неё было доброе сердце, и, зная, что в доме сундуки ломятся от всякого добра, она не считала за грех накормить какую-нибудь бедную старушку, вынести рюмку вина прохожему старику или дать несколько мелких монеток соседским детям на сласти.

Но когда Петер однажды узнал об этом, он весь побагровел от злости и сказал:

— Как ты смеешь швырять направо и налево моё добро? Забыла, что сама нищая?.. Смотри у меня, чтобы это было в последний раз, а не то...

И он так взглянул на неё, что сердце похолодело в груди у бедной Лизбет. Она горько заплакала и ушла к себе.

С тех пор всякий раз, когда какой-нибудь бедняк проходил мимо их дома, Лизбет закрывала окно или отворачивалась, чтобы не видеть чужой бедности. Но ни разу не посмела она послушаться своего сурового мужа.

Никто не знал, сколько слёз она пролила по ночам, думая о холодном, безжалостном сердце Петера, но все знали теперь, что госпожа Мунк не даст умирающему глотка воды и голодному корки хлеба. Она прослыла самой скупой хозяйкой в Шварцвальде.

Однажды Лизбет сидела перед домом, пряла пряжу и напевала какую-то песенку. На душе у неё было в этот день легко и весело, потому что погода была отличная, а господин Петер уехал по делам.

И вдруг она увидела, что по дороге идёт какой-то старенький старичок. Сгибаясь в три погибели, он тащил на спине большой, туго набитый мешок.

Старичок то и дело останавливался, чтобы перевести дух и стереть пот со лба.

«Бедный, — подумала Лизбет, — как трудно ему нести такую непосильную ношу!»

А старичок, подойдя к ней, сбросил на землю свой огромный мешок, тяжело опустился на него и сказал едва слышным голосом:

— Будьте милостивы, хозяйшка! Дайте мне глоток воды. До того измучился, что просто с ног валяюсь.

— Как же можно в ваши годы таскать такие тяжести! — сказала Лизбет.

— Что поделаешь! Бедность!.. — ответил старичок. — Жить-то ведь чем-нибудь надо. Конечно, такой богатой женщине, как вы, это и понять мудрено. Вот вы, наверно, кроме сливок, и не пьёте ничего, а я и за глоток воды скажу спасибо.

Ничего не ответив, Лизбет побежала в дом и налила полный ковшик воды. Она хотела уже отнести его прохожему, но вдруг, не дойдя до порога, остановилась и снова вернулась в комнату. Отворив шкаф, она достала большую узорча-

тую кружку, налила до краёв вином и, прикрыв сверху свежим, только что испечённым хлебцем, вынесла старику.

— Вот, — сказала она, — подкрепитесь на дорогу.

Старичок с удивлением посмотрел на Лизбет своими выцветшими, светлыми, как стекло, глазами.

Он медленно выпил вино, отломил кусочек хлеба и сказал дрожащим голосом:

— Я человек старый, но мало видел на своём веку людей с таким добрым сердцем, как у вас. А доброта никогда не остаётся без награды...

— И свою награду она получит сейчас же! — загремел у них за спиной страшный голос.

Они обернулись и увидели господина Петера.

— Так вот ты как!.. — проговорил он сквозь зубы, сжимая в руках кнут и подступая к Лизбет. — Самое лучшее вино из моего погреба ты наливаешь в мою самую любимую кружку и угощаешь каких-то грязных бродяг... Вот же тебе! Получай свою награду!..

Он размахнулся и изо всей силы ударил жену по голове тяжёлым кнутовищем из чёрного дерева.

Не успев даже вскрикнуть, Лизбет упала на руки старика.

Каменное сердце не знает ни сожаления, ни раскаяния. Но тут даже Петеру стало не по себе, и он бросился к Лизбет, чтобы поднять её.

— Не трудись, угольщик Мунк! — вдруг сказал старик хорошо знакомым Петеру голосом. — Ты сломал самый

прекрасный цветок в Шварцвальде, и он никогда больше не зацветёт.

Петер невольно отшатнулся.

— Так это вы, господин Стекланный Человечек! — в ужасе прошептал он. — Ну, да что сделано, того уж не воротишь. Но я надеюсь по крайней мере, что вы не донесёте на меня в суд...

— В суд? — Стекланный Человечек горько усмехнулся. — Нет, я слишком хорошо знаю твоих приятелей — судейских... Кто мог продать своё сердце, тот и совесть продаст не задумавшись. Я сам буду судить тебя!..

От этих слов в глазах у Петера потемнело.

— Не тебе меня судить, старый скряга! — закричал он, потрясая кулаками. — Это ты погубил меня! Да, да, ты, и никто другой! По твоей милости пошёл я на поклон к Михелю-Голландцу. И теперь ты сам должен держать ответ передо мной, а не я перед тобой!..

И он вне себя замахнулся кнутом. Но рука его так и застыла в воздухе.

На глазах у него Стекланный Человечек вдруг стал расти. Он рос всё больше, больше, пока не заслонил дом, деревья, даже солнце... Глаза его метали искры и были ярче самого яркого пламени. Ондохнул — и палящий жар пронизал Петера насквозь, так что даже его каменное сердце согрелось и дрогнуло, как будто снова забилося. Нет, никогда даже Михель-Великан не казался ему таким страшным!

Петер упал на землю и закрыл голову руками, чтобы защититься от мести разгневанного Стекланного Человечка, но вдруг почувствовал, что огромная рука, цепкая, словно когти коршуна, схватила его, подняла высоко в воздух и, завертев, как ветер крутит сухую былинку, швырнула оземь.

— Жалкий червяк!.. — загремел над ним громовой голос. — Я мог бы на месте испепелить тебя! Но, так и быть, ради этой бедной, кроткой женщины дарю тебе ещё семь дней жизни. Если за эти дни ты не расскаешься — берегись!..

Точно огненный вихрь промчался над Петером — и всё стихло.

Вечером люди, проходившие мимо, увидели Петера лежащим на земле у порога своего дома.

Он был бледен как мертвец, сердце у него не билось, и соседи уже решили, что он умер (ведь они-то не знали, что сердце его не бьётся, потому что оно каменное). Но тут кто-то заметил, что Петер ещё дышит. Принесли воды, смочили ему лоб, и он очнулся...

— Лизбет!.. Где Лизбет? — спросил он хриплым шёпотом.

Но никто не знал, где она.

Он поблагодарил людей за помощь и вошёл в дом. Лизбет не было и там.

Петер совсем растерялся. Что же это значит? Куда она исчезла? Живая или мёртвая, она должна быть здесь.

Так прошло несколько дней. С утра до ночи бродил он по дому, не зная, за что взяться. А ночью, стоило ему только закрыть глаза, его будил тихий голос:

— Петер, достань себе горячее сердце! Достань себе горячее сердце, Петер!..

Это был голос Лизбет. Петер вскакивал, озирался по сторонам, но её нигде не было.

Соседям он сказал, что жена поехала на несколько дней навестить отца. Ему, конечно, поверили. Но ведь рано или поздно они узнают, что это неправда. Что сказать тогда? А дни, отпущенные ему, для того чтобы он раскаялся, всё шли и шли, и час расплаты приближался. Но как он мог раскаяться, когда его каменное сердце не знало раскаяния? Ах, если бы в самом деле он мог добыть себе сердце погорячей!

И вот когда седьмой день был уже на исходе, Петер решился. Он надел праздничный камзол, шляпу, вскочил на коня и поскакал к Еловой горе.

Там, где начинался частый ельник, он спешился, привязал лошадь к дереву, а сам, цепляясь за колючие ветки, полез наверх.

Около большой ели он остановился, снял шляпу и, с трудом припоминая слова, медленно проговорил:

— Под высокою сосной
В тесноте пещерной
Жил да был старик седой
С тайной сокровенной.
Дед был сказочно богат,
Прятал он в пещере клад.
Кто родился в день воскресный,
Тот получит дар чудесный.

И Стекланный Человечек появился. Но теперь он был весь в чёрном: кафтанчик из чёрного матового стекла, чёрные панталоны, чёрные чулки... Черная хрустальная лента обвивала его шляпу.

Он едва взглянул на Петера и спросил безучастным голосом:

— Что тебе надо от меня, Петер Мунк?

— У меня осталось ещё одно желание, господин Стекланный Человечек, — сказал Петер, не смея поднять глаза. — Я хотел бы, чтобы вы его исполнили.

— Разве у каменного сердца могут быть желания! — ответил Стекланный Человечек. — У тебя уже есть всё, что нужно таким людям, как ты. А если тебе ещё чего-нибудь не хватает, проси у своего друга Михеля. Я вряд ли смогу тебе помочь.

— Но ведь вы сами обещали мне исполнить три желания. Одно ещё остаётся за мной!..

— Я обещал исполнить третье твоё желание, только если оно не будет безрассудным. Ну говори, что ты там ещё придумал?

— Я хотел бы... Я хотел бы... — начал прерывающимся голосом Петер. — Господин Стекланный Человечек! Выньте из моей груди этот мёртвый камень и дайте мне моё живое сердце.

— Да разве ты со мной заключил эту сделку? — сказал Стекланный Человечек. — Разве я Михель-Голландец, который раздаёт золотые монеты и каменные сердца? Ступай к нему, проси у него своё сердце!

Петер грустно покачал головой:

— Ах, он ни за что не отдаст мне его.

Стекланный Человечек помолчал с минуту, потом вынул из кармана свою стеклянную трубку и закурил.

— Да, — сказал он, пуская кольца дыма, — конечно, он не захочет отдать тебе твоё сердце... И хотя ты очень виноват перед людьми, передо мной и перед собой, но желание твоё не так уж глупо. Я помогу тебе. Слушай: силой ты от Михеля ничего не добьёшься. Но перехитрить его не так уж трудно, хоть он и считает себя умнее всех на свете. Нагнись ко мне, я скажу, как выманить у него твоё сердце.

И Стекланный Человечек сказал Петеру на ухо всё, что надо делать.

— Запомни же, — добавил он на прощание, — если в груди у тебя будет опять живое, горячее сердце и если перед опасностью оно не дрогнет и будет твёрже каменного, никто не одолеет тебя, даже сам Михель-Великан. А теперь ступай и возвращайся ко мне с живым, бьющимся, как у всех людей, сердцем. Или совсем не возвращайся.

Так сказал Стекланный Человечек и скрылся под корнями ели, а Петер быстрыми шагами направился к ущелью, где жил Михель-Великан.

Он трижды окликнул его по имени, и великан явился.

— Что, жену убил? — сказал он, смеясь. — Ну и ладно, поделом ей! Зачем не берегла мужнино добро! Только, пожалуйста, приятель, тебе придётся на время уехать из наших краёв, а то заметят добрые соседи, что она пропала, поднимут шум, начнутся всякие разговоры... Не оберёшься хлопот. Тебе, верно, деньги нужны?

— Да, — сказал Петер, — и на этот раз побольше. Ведь до Америки далеко.

— Ну, за деньгами дело не станет, — сказал Михель и повёл Петера к себе в дом.

Он открыл сундук, стоявший в углу, вытащил несколько больших свёртков золотых монет и, разложив их на столе, стал пересчитывать.

Петер стоял рядом и ссыпал в мешок сосчитанные монеты.

— А какой ты всё-таки ловкий обманщик, Михель! — сказал он, хитро поглядев на великана. — Ведь я было совсем поверил, что ты вынул моё сердце и положил вместо него камень.

— То есть как это так? — сказал Михель и даже раскрыл рот от удивления. — Ты сомневаешься в том, что у тебя каменное сердце? Что же, оно у тебя бьётся, замирает? Или, может быть, ты чувствуешь страх, горе, раскаяние?

— Да, немного, — сказал Петер. — Я прекрасно понимаю, приятель, что ты его попросту заморозил, и теперь оно понемногу оттаивает... Да и как ты мог, не причинив мне ни малейшего вреда, вынуть у меня сердце и заменить его каменным? Для этого надо быть настоящим волшебником!..

— Но уверяю тебя, — закричал Михель, — что я это сделал! Вместо сердца у тебя самый настоящий камень, а настоящее твоё сердце лежит в стеклянной банке, рядом с сердцем Иезекиила Толстого. Если хочешь, можешь посмотреть сам.

Петер засмеялся.

— Есть на что смотреть! — сказал он небрежно. — Когда я путешествовал по чужим странам, я видел много диковин и почище твоих. Сердца, которые лежат у тебя в стеклянных банках, сделаны из воска. Мне случалось видеть даже восковых людей, не то что сердца! Нет, что там ни говори, а колдовать ты не умеешь!..

Михель встал и с грохотом отбросил стул.

— Иди сюда! — крикнул он, распахивая дверь в соседнюю комнату. — Смотри, что тут написано! Вот здесь — на этой банке! «Сердце Петера Мунка»! Приложи ухо к стеклу — послушай, как оно бьётся. Разве восковое может так биться и трепетать?

— Конечно может. Восковые люди на ярмарках ходят и говорят. У них внутри есть какая-то пружинка...

— Пружинка? А вот ты у меня сейчас узнаешь, что это за пружинка! Дурак! Не умеет отличить восковое сердце от своего собственного!..

Михель сорвал с Петера камзол, вытащил у него из груди камень и, не говоря ни слова, показал его Петеру. Потом он вытащил из банки сердце, подышал на него и осторожно положил туда, где ему и следовало быть.

В груди у Петера стало горячо, весело, и кровь быстрее побежала по жилам.

Он невольно приложил руку к сердцу, слушая его радостный стук.

Михель поглядел на него с торжеством.

— Ну, кто был прав? — спросил он.

— Ты, — сказал Петер. — Вот уж не думал, признаться, что ты такой колдун.

— То-то же!.. — ответил Михель, самодовольно ухмыляясь. — Ну, теперь давай — я положу его на место.

— Оно и так на месте! — сказал Петер спокойно. — На этот раз ты остался в дураках, господин Михель, хоть ты и великий колдун. Я больше не отдам тебе моего сердца.

— Оно уже не твоё! — закричал Михель. — Я купил его. Отдавай сейчас же моё сердце, жалкий воришка, а не то я раздавлю тебя на месте!

И, стиснув свой огромный кулак, он занёс его над Петером. Но Петер даже головы не нагнул. Он поглядел Михелю прямо в глаза и твёрдо сказал:

— Не отдам!

Должно быть, Михель не ожидал такого ответа. Он отшатнулся от Петера, словно споткнулся на бегу. А сердца в бан-

ках застучали так громко, как стучат в мастерской часы, вынутые из своих оправ и футляров.

Михель обвёл их своим холодным, мертвящим взглядом — и они сразу притихли.

Тогда он перевёл взгляд на Петера и сказал тихо:

— Вот ты какой! Ну полно, полно, нечего корчить из себя храбреца. Уж кто-кто, а я-то знаю твоё сердце, в руках держал... Жалкое сердечко — мягкое, слабенькое... Дрожит небось со страху... Давай-ка его сюда, в банке ему будет спокойнее.

— Не дам! — ещё громче сказал Петер.

— Посмотрим!

И вдруг на том месте, где только что стоял Михель, появилась огромная скользкая зеленовато-бурая змея. В одно мгновение она обвилась кольцами вокруг Петера и, сдавив его грудь, словно железным обручем, заглянула ему в глаза холодными глазами Михеля.

— Отдаш-ш-шь? — прошипела змея.

— Не отдам! — сказал Петер.

В ту же секунду кольца, сжимавшие его, распались, змея исчезла, а из-под змеи дымными языками вырвалось пламя и со всех сторон окружило Петера.

Огненные языки лизали его одежду, руки, лицо...

— Отдашь, отдашь?.. — шумело пламя.

— Нет! — сказал Петер.

Он почти задохнулся от нестерпимого жара и серного дыма, но сердце его было твёрдо.

Пламя сникло, и потоки воды, бурля и бушуя, обрушились на Петера со всех сторон.

В шуме воды слышались те же слова, что и в шипении змеи, и в свисте пламени: «Отдашь? Отдашь?»

С каждой минутой вода подымалась всё выше и выше. Вот уже она подступила к самому горлу Петера...

— Отдашь?

— Не отдам! — сказал Петер.

Сердце его было твёрже каменного.

Вода пенистым гребнем встала перед его глазами, и он чуть было не захлебнулся.

Но тут какая-то невидимая сила подхватила Петера, подняла над водой и вынесла из ущелья.

Он и очнуться не успел, как уже стоял по ту сторону канавы, которая разделяла владения Михеля-Великана и Стеклянного Человечка.

Но Михель-Великан ещё не сдался. Вдогонку Петеру он послал бурю.

Как подкошенные травы, валились столетние сосны и ели. Молнии раскалывали небо и падали на землю, словно огненные стрелы. Одна упала справа от Петера, в двух шагах от него, другая — слева, ещё ближе.

Петер невольно закрыл глаза и ухватился за ствол дерева.

— Грози, грози! — крикнул он, с трудом переводя дух. — Сердце моё у меня, и я его тебе не отдам!

И вдруг всё разом стихло. Петер поднял голову и открыл глаза.

Михель неподвижно стоял у границы своих владений. Руки у него опустились, ноги словно вросли в землю. Видно было, что волшебная сила покинула его. Это был уже не прежний великан, повелевающий землёй, водой, огнём и воздухом, а дряхлый, сгорбленный, изъеденный годами старик в ветхой одежде плотогона. Он оперся на свой багор, как на костыль, вобрал голову в плечи, съёжился...

С каждой минутой на глазах у Петера Михель становился всё меньше и меньше. Вот он стал тише воды, ниже травы и наконец совсем прижался к земле. Только по шелесту и колебанию стебельков можно было заметить, как он уполз червяком в своё логово.

...Петер ещё долго смотрел ему вслед, а потом медленно пошёл на вершину горы к старой ели.

Сердце у него в груди билось, радуясь тому, что оно опять может биться.

Но чем дальше он шёл, тем печальнее становилось у него на душе. Он вспомнил всё, что с ним случилось за эти годы, — вспомнил старуху-мать, которая приходила к нему за жалким подаянием, вспомнил бедняков, которых травил собаками, вспомнил Лизбет... И горькие слёзы покатались у него из глаз.

Когда он подошёл к старой ели, Стекланный Человечек сидел на мшистой кочке под ветвями и курил свою трубочку.

Он посмотрел на Петера ясными, прозрачными, как стекло, глазами и сказал:

— О чём ты плачешь, угольщик Мунк? Разве ты не рад, что в груди у тебя опять бьётся живое сердце?

— Ах, оно не бьётся, оно разрывается на части, — сказал Петер. — Лучше бы мне не жить на свете, чем помнить, как я жил до сих пор. Матушка никогда не простит меня, а у бедной Лизбет я даже не могу попросить прощения. Лучше убейте меня, господин Стекланный Человечек, — по крайней мере этой постыдной жизни наступит конец. Вот оно, моё последнее желание!

— Хорошо, — сказал Стеклянный Человечек. — Если ты этого хочешь, пусть будет по-твоему. Сейчас я принесу топор.

Он неторопливо выколотил трубочку и спрятал её в карман. Потом встал и, приподняв мохнатые колючие ветви, исчез где-то за елью.

А Петер, плача, опустился на траву. О жизни он несколько не жалел и терпеливо ждал своей последней минуты.

И вот за спиной у него раздался лёгкий шорох.

«Идёт! — подумал Петер. — Сейчас всему конец!»

И, закрыв лицо руками, он ещё ниже склонил голову.

— Петер Мунк! — услышал он голос Стеклянного Человечка, тонкий и звонкий, как хрусталь. — Петер Мунк! Оглянись вокруг в последний раз.

Петер поднял голову и невольно вскрикнул. Перед ним стояли его мать и жена.

— Лизбет, ты жива! — закричал Петер, задыхаясь от радости. — Матушка! И вы тут!.. Как мне вымолить у вас прощенье?!

— Они уже простили тебя, Петер, — сказал Стеклянный Человечек. — Да, простили, потому что ты раскаялся от всего сердца. А ведь оно у тебя теперь не каменное. Воротись домой и будь по-прежнему угольщиком. Если ты станешь уважать своё ремесло, то и люди будут уважать тебя, и всякий с радостью пожмёт твою почерневшую от угля, но чистую руку, даже если у тебя не будет бочек с золотом.

С этими словами Стеклянный Человечек исчез.

А Петер с женой и матерью пошёл домой.

От богатой усадьбы господина Петера Мунка не осталось и следа. Во время последней бури молния ударила прямо в дом и сожгла его дотла. Но Петер несколько не жалел о своём потерянном богатстве.

До старой отцовской хижины было недалеко, и он весело зашагал туда, вспоминая то славное время, когда был беспечным и весёлым угольщиком...

Как же удивился он, когда увидел вместо бедной, покривившейся хижины новый красивый домик. В палисаднике цвели цветы, на окошках белели накрахмаленные занавески, а внутри всё было так прибрано, словно кто-то поджидал хо-

заяв. В печке весело потрескивал огонь, стол был накрыт, а на полках вдоль стен переливалась всеми цветами радуги разноцветная стеклянная посуда.

— Это всё подарил нам Стеклянный Человечек! — воскликнул Петер.

И началась новая жизнь в новом домике. С утра до вечера Петер работал у своих угольных ям и возвращался домой усталый, но весёлый — он знал, что дома его ждут с радостью и нетерпением.

За карточным столом и перед трактирной стойкой его больше никогда не видели. Но свои воскресные вечера он проводил теперь веселее, чем раньше. Двери его дома были широко открыты для гостей, и соседи охотно заходили в дом угольщика Мунка, потому что их встречали хозяйки, гостеприимные и приветливые, и хозяин, добродушный, всегда готовый порадоваться с приятелем его радости или помочь ему в беде.

А через год в новом домике произошло большое событие: у Петера и Лизбет родился сын, маленький Петер Мунк.

— Кого ты хочешь позвать в крёстные отцы? — спросила у Петера старуха-мать.

Петер ничего не ответил. Он смыл угольную пыль с лица и рук, надел праздничный кафтан, взял праздничную шляпу и пошёл на Еловую гору.

Возле знакомой старой ели он остановился и, низко кланяясь, произнёс заветные слова:

— Под высокою сосной
В тесноте пещерной...

Он ни разу не сбился, ничего не забыл и сказал все слова, как надо, по порядку, от первого до последнего.

Но Стеклянный Человечек не показывался.

— Господин Стеклянный Человечек! — закричал Петер. — Мне ничего не надо от вас, я ни о чём не прошу и пришёл сюда только для того, чтобы позвать вас в крёстные отцы к моему новорождённому сыночку!.. Слышите вы меня, господин Стеклянный Человечек?..

Но кругом всё было тихо. Стекланный Человечек не отозвался и тут.

Только лёгкий ветер пробежал по верхушкам елей и сбросил к ногам Петера несколько шишек.

— Ну что ж, возьму на память хоть эти еловые шишки, если уж хозяин Еловой горы не хочет больше показываться, — сказал сам себе Петер и, поклонившись на прощание большой ели, пошёл домой.

Вечером старая матушка Мунк, убирая в шкаф праздничный кафтан сына, заметила, что карманы его чем-то набиты. Она вывернула их, и оттуда выпало несколько больших еловых шишек.

Ударившись об пол, шишки рассыпались, и все их чешуйки превратились в новенькие блестящие талеры, среди которых не оказалось ни одного фальшивого.

Это был подарок Стекланного Человечка маленькому Петеру Мунку.

Ещё много лет в мире и согласии прожила на свете семья угольщика Мунка. Маленький Петер вырос, большой Петер состарился.

И когда молодёжь окружала старика и просила его рассказать что-нибудь о прошлых днях, он рассказывал им эту историю и всегда кончал её так:

— Знал я на своём веку и богатство, и бедность. Беден я был, когда был богат, богат — когда беден. Были у меня раньше каменные палаты, да зато и сердце в моей груди было каменное. А теперь у меня только домик с печью — да зато сердце человечесьё.

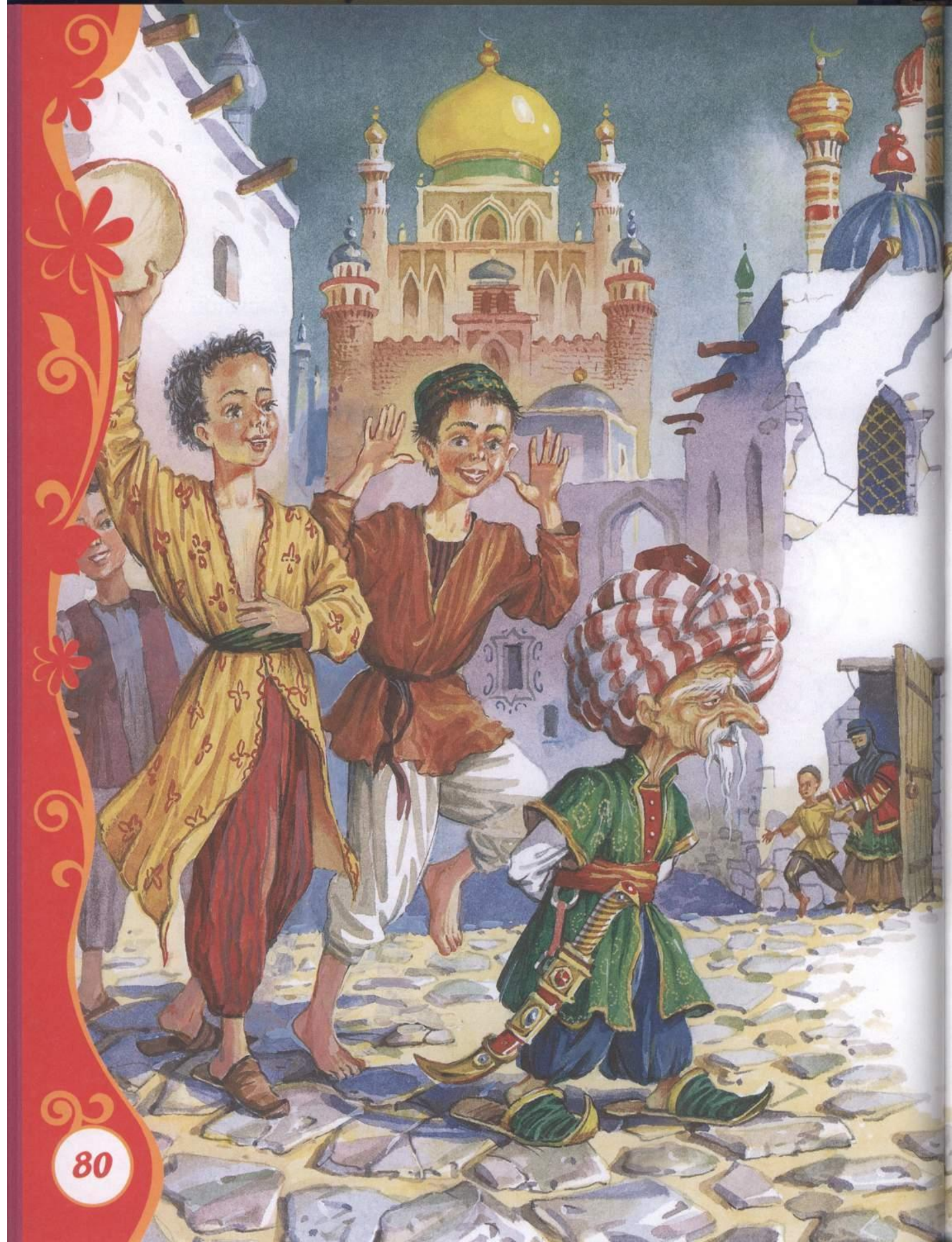

Маленький Мук

Перевод с немецкого
М. Салье

В городе Никее, на моей родине, жил человек, которого звали Маленький Мук. Хотя я был тогда мальчиком, я очень хорошо его помню, тем более что мой отец как-то задал мне из-за него здоровую трёпку. В то время Маленький Мук был уже стариком, но рост имел крошечный. Вид у него был довольно смешной: на маленьком, тощем тельце торчала огромная голова, гораздо больше, чем у других людей.

Маленький Мук жил в большом старом доме совсем один. Даже обед он себе сам стряпал. Каждый полдень над его домом появлялся густой дым; не будь этого, соседи не знали бы, жив карлик или умер. Маленький Мук выходил на улицу только раз в месяц — каждое первое число. Но по вечерам люди часто видели, как Маленький Мук гуляет по плоской крыше своего дома. Снизу казалось, будто одна огромная голова движется взад и вперёд по крыше.

Я и мои товарищи были злые мальчишки и любили дразнить прохожих. Когда Маленький Мук выходил из дому, для нас был настоящий праздник. В этот день мы толпой собирались перед его домом и ждали, пока он выйдет. Вот осторожно раскрывалась дверь. Из неё высовывалась большая голова в огромной чалме. За головой следовало всё тело в старом, полинялом халате и просторных шароварах. У широкого пояса болтался кинжал, такой длинный, что трудно было сказать — кинжал ли прицеплен к Муку или Мук прицеплен к кинжалу.

Когда Мук наконец выходил на улицу, мы приветствовали его радостными криками и плясали вокруг него точно

шальные. Мук с важностью кивал нам головой и медленно шёл по улице, шлёпая туфлями. Туфли у него были прямо огромные — таких никто никогда раньше не видал. А мы, мальчишки, бежали за ним и кричали: «Маленький Мук! Маленький Мук!» Мы даже сочинили про него такую песенку:

— Крошка Мук, крошка Мук,
Оглянись скорей вокруг,
Оглянись скорей вокруг
И поймай нас, крошка Мук!

Мы часто потешались над бедным карликом, и приходится признаться, хоть мне и стыдно, что я больше всех обижал его. Я всегда норовил схватить Мука за полу халата, а раз даже нарочно наступил ему на туфлю так, что бедняга упал. Это показалось мне очень смешно, но у меня сразу пропала охота смеяться, когда я увидел, что Маленький Мук, с трудом поднявшись, пошёл прямо к дому моего отца. Он долго не выходил оттуда. Я спрятался за дверь и с нетерпением ожидал, что будет дальше.

Наконец дверь открылась, и карлик вышел. Отец проводил его до порога, почтительно поддерживая под руку, и низко поклонился ему на прощание. Я чувствовал себя не очень-то приятно и долго не решался вернуться домой. Наконец голод пересилил мой страх, и я робко проскользнул в дверь, не смея поднять голову.

— Ты, я слышал, обижаешь Маленького Мука, — строго сказал мне отец. — Я расскажу тебе его приключения, и ты, наверно, больше не станешь смеяться над бедным карликом. Но сначала ты получишь то, что тебе полагается.

А полагалась мне за такие дела хорошая порка. Отсчитав шлепков сколько следует, отец сказал:

— Теперь слушай внимательно.

И он рассказал мне историю Маленького Мука.

...Отец Мука (на самом деле его звали не Мук, а Мукра) жил в Никее и был человек почтенный, но небогатый. Так же как Мук, он всегда сидел дома и редко выходил на улицу. Он очень не любил Мука за то, что тот был карлик, и ничему не учил его.

— Ты уже давно сносил свои детские башмаки, — говорил он карлику, — а всё только шалишь и бездельничаешь.

Как-то раз отец Мука упал на улице и сильно ушибся. После этого он заболел и вскоре умер. Маленький Мук остался один, без гроша. Родственники отца выгнали Мука из дому и сказали:

— Иди по свету, может, и найдёшь своё счастье.

Мук выпросил себе только старые штаны и куртку — всё, что осталось после отца. Отец у него был высокий и толстый, но карлик недолго думая укоротил и куртку и штаны и надел их. Правда, они были слишком широки, но с этим уж карлик ничего не мог поделать. Он обмотал голову вместо чалмы полотенцем, прицепил к поясу кинжал, взял в руку палку и пошёл куда глаза глядят.

Скоро он вышел из города и целых два дня шёл по большой дороге. Он очень устал и проголодался. Еды у него с собой не было, и он жевал коренья, которые росли в поле. А ночевать ему приходилось прямо на голой земле.

На третий день утром он увидел с вершины холма большой красивый город, украшенный флагами и знамёнами. Маленький Мук собрал последние силы и пошёл к этому городу.

«Может быть, я наконец найду там своё счастье», — говорил он себе.

Хотя казалось, что город совсем близко, Муку пришлось идти до него целое утро. Только в полдень он наконец достиг городских ворот. Город был весь застроен красивыми домами. Широкие улицы были полны народа. Маленькому Муку очень хотелось есть, но никто не открыл перед ним двери и не пригласил его зайти и отдохнуть.

Карлик уныло брёл по улицам, еле волоча ноги. Он проходил мимо одного высокого красивого дома, и вдруг в этом доме распахнулось окно и какая-то старуха, высушившись, закричала:

— Сюда, сюда —
Готова еда!
Столик накрыт,
Чтоб каждый был сыт.
Соседи, сюда —
Готова еда!

И сейчас же двери дома открылись, и туда стали входить собаки и кошки — много-много кошек и собак. Мук подумал, по-

думал и тоже вошёл. Как раз перед ним вошли двое котят, и он решил не отставать от них — котята-то уж наверно знали, где кухня.

Мук поднялся наверх по лестнице и увидел ту старуху, которая кричала из окна.

— Что тебе нужно? — сердито спросила старуха.

— Ты звала обедать, — сказал Мук, — а я очень голоден. Вот я и пришёл.

Старуха громко рассмеялась и сказала:

— Откуда ты взялся, парень? Все в городе знают, что я варю обед только для моих милых кошек. А чтобы им не было скучно, я приглашаю к ним соседей.

— Накорми уж и меня заодно, — попросил Мук.

Он рассказал старухе, как ему пришлось туго, когда умер его отец, и старуха пожалела его. Она досыта накормила карлика и, когда Маленький Мук наелся и отдохнул, сказала ему:

— Знаешь что, Мук, оставайся-ка ты у меня служить. Работа у меня лёгкая, и жить тебе будет хорошо.

Муку понравился кошачий обед, и он согласился. У госпожи Ахавзи (так звали старуху) было два кота и четыре кошки. Каждое утро Мук расчёсывал им шёрстку и натирал её драгоценными мазями. За обедом он подавал им еду, а вечером укладывал их спать на мягкой перине и укрывал бархатным одеялом.

Кроме кошек, в доме жили ещё четыре собаки. За ними карлику тоже приходилось смотреть, но с собаками возни было меньше, чем с кошками. Кошек госпожа Ахавзи любила, точно родных детей.

Маленькому Муку было у старухи так же скучно, как у отца: кроме кошек и собак, он никого не видел.

Сначала карлику всё-таки жилось неплохо. Работы не было почти никакой, а кормили его сытно, и старуха была им очень довольна. Но потом кошки что-то избаловались. Только старуха за дверь — они сейчас же давай носиться по комнатам как бешеные. Все вещи разбрасают да ещё посуду дорогую перебьют. Но стоило им услышать шаги Ахавзи на лестнице, они мигом прыг на перину, свернутся калачиком, подожмут хвосты и лежат как ни в чём не бывало. А старуха видит, что в комнате разгром, и ну ругать Маленького Мука. Пусть сколько хочет оправдывается — она больше верит своим кошкам, чем слуге. По кошкам сразу видно, что они ни в чём не виноваты.

Бедный Мук очень горевал и наконец решил уйти от старухи. Госпожа Ахавзи обещала платить ему жалованье, да всё не платила.

«Вот получу с неё жалованье, — думал Маленький Мук, — сразу уйду. Если бы я знал, где у неё спрятаны деньги, давно бы сам взял, сколько мне следует».

В доме старухи была маленькая комнатка, которая всегда стояла запертой. Муку было очень любопытно, что такое в ней спрятано. И вдруг ему пришло на ум, что в этой комнате, может быть, лежат старухины деньги. Ему ещё больше захотелось войти туда.

Как-то раз утром, когда Ахавзи ушла из дому, к Муку подбежала одна из собачонок и схватила его за полу (старуха очень не любила эту собачонку, а Мук, напротив, часто гладил и ласкал её). Собачонка тихо визжала и тянула карлика за собой. Она привела его в спальню старухи и остановилась перед маленькой дверью, которую Мук никогда раньше не замечал.

Собака толкнула дверь и вошла в какую-то комнатку; Мук пошёл за ней и застыл на месте от удивления: он оказался в той самой комнате, куда ему так давно хотелось попасть.

Вся комната была полна старых платьев и диковинной старинной посуды. Муку особенно понравился один кувшин — хрустальный, с золотым рисунком. Он взял его в руки и начал рассматривать, и вдруг крышка кувшина — Мук и не заметил, что кувшин был с крышкой, — упала на пол и разбилась.

Бедный Мук не на шутку испугался. Теперь уж рассуждать не приходилось — надо было бежать: когда старуха вернётся и увидит, что он разбил крышку, она изобьёт его до полусмерти.

Мук в последний раз оглядел комнату, и вдруг он увидел в углу туфли. Они были очень большие и некрасивые, но его собственные башмаки совсем развалились. Муку даже понравилось, что туфли такие большие, — когда он их наденет, все увидят, что он уже не ребёнок.

Он быстро скинул башмаки с ног и надел туфли. Рядом с туфлями стояла тоненькая тросточка с львиной головой.

«Эта тросточка всё равно стоит здесь без дела, — подумал Мук. — Возьму уж и тросточку кстати».

Он захватил тросточку и бегом побежал к себе в комнату. В одну минуту он надел плащ и чалму, прицепил кинжал и помчался вниз по лестнице, торопясь уйти до возвращения старухи.

Выйдя из дома, он пустился бежать и мчался без оглядки, пока не выбежал из города в поле. Тут карлик решил немного отдохнуть. И вдруг он почувствовал, что не может остановиться. Ноги у него бежали сами и тащили его, как он ни старался их задержать. Он и падать пробовал, и поворачиваться — ничего не помогало. Наконец он понял, что всё дело

в его новых туфлях. Это они толкали его вперёд и не давали остановиться.

Мук совсем выбился из сил и не знал, что ему делать. В отчаянии он взмахнул руками и закричал, как кричат извозчики:

— Тпру! Тпру! Стой!

И вдруг туфли сразу остановились, и бедный карлик со всего маха упал на землю.

Он до того устал, что сразу заснул. И приснился ему удивительный сон. Он увидел во сне, что маленькая собачка, которая привела его в потайную комнату, подошла к нему и сказала:

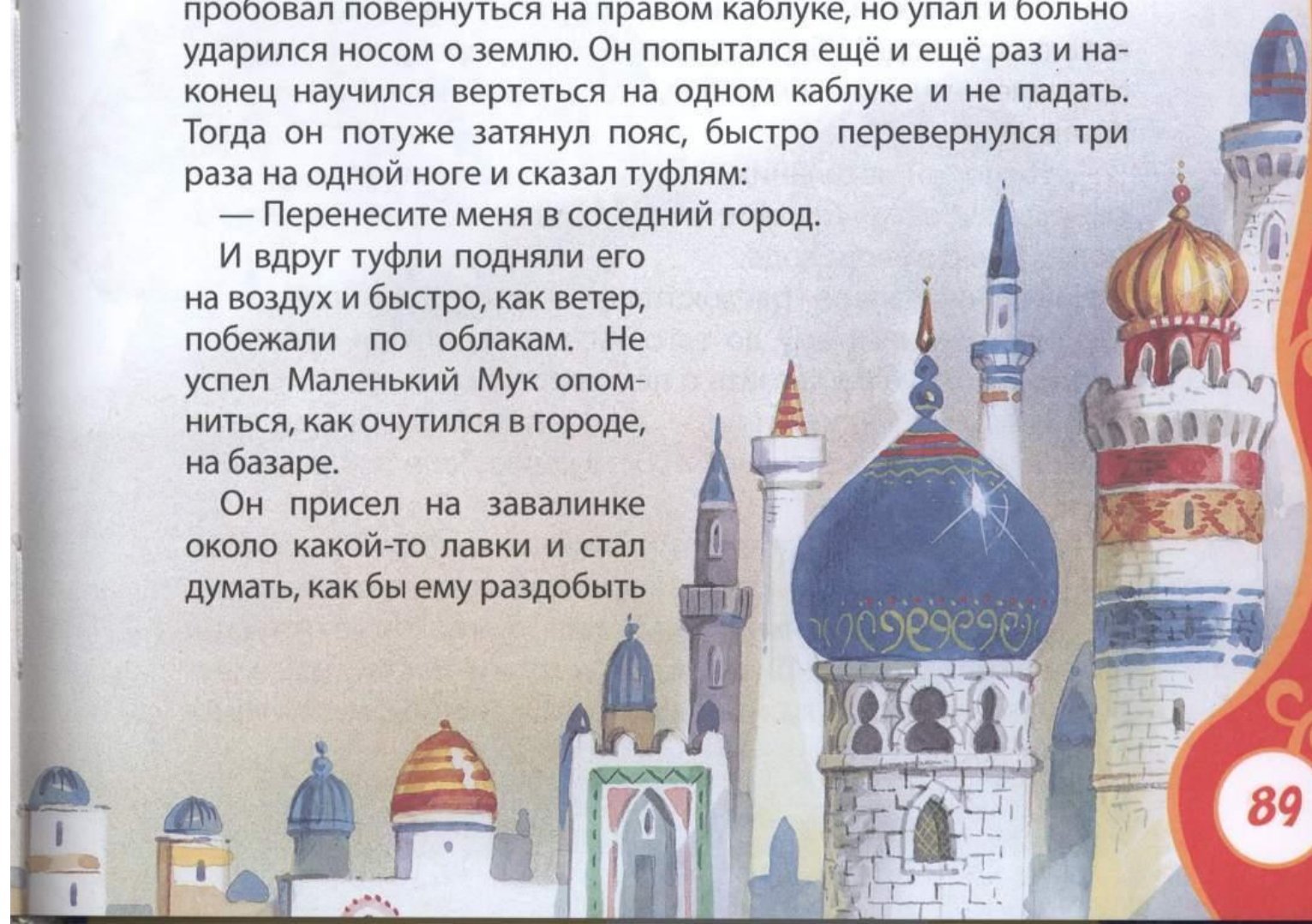
«Милый Мук, ты ещё не знаешь, какие у тебя чудесные туфли. Стоит тебе три раза повернуться на каблуке, и они перенесут тебя, куда ты захочешь. А тросточка поможет тебе искать клады. Там, где зарыто золото, она стукнет о землю три раза, а там, где зарыто серебро, она стукнет два раза».

Когда Мук проснулся, он сразу захотел проверить, правду ли сказала маленькая собачонка. Он поднял левую ногу и попробовал повернуться на правом каблуке, но упал и больно ударился носом о землю. Он попытался ещё и ещё раз и наконец научился вертеться на одном каблуке и не падать. Тогда он потуже затянул пояс, быстро перевернулся три раза на одной ноге и сказал туфлям:

— Перенесите меня в соседний город.

И вдруг туфли подняли его на воздух и быстро, как ветер, побежали по облакам. Не успел Маленький Мук опомниться, как очутился в городе, на базаре.

Он присел на заваulinке около какой-то лавки и стал думать, как бы ему раздобыть

хоть немного денег. У него, правда, была волшебная тросточка, но как узнать, в каком месте спрятано золото или серебро, чтобы пойти и найти его? На худой конец, он мог бы показываться за деньги, но для этого он слишком горд.

И вдруг Маленький Мук вспомнил, что он умеет теперь быстро бегать.

«Может быть, мои туфли принесут мне доход, — подумал он. — Попробую-ка я наняться к королю в скороходы».

Он спросил хозяина лавки, как пройти во дворец, и через каких-нибудь пять минут уже подходил к дворцовым воротам. Привратник спросил его, что ему нужно, и, узнав, что карлик хочет поступить к королю на службу, повёл его к начальнику рабов. Мук низко поклонился начальнику и сказал ему:

— Господин начальник, я умею бегать быстрее всякого скорохода. Возьмите меня к королю в гонцы.

Начальник презрительно посмотрел на карлика и сказал с громким смехом:

— У тебя ножки тоненькие, как палочки, а ты хочешь поступить в скороходы! Убирайся подобру-поздорову. Я не для того поставлен начальником рабов, чтобы всякий урод надо мной потешался!

— Господин начальник, — сказал Маленький Мук, — я не смеюсь над вами. Давайте спорить, что я обгоню вашего самого лучшего скорохода.

Начальник рабов расхохотался ещё громче прежнего. Карлик показался ему до того забавным, что он решил не прогонять его и рассказать о нём королю.

— Ну ладно, — сказал он, — так уж и быть, я испытаю тебя. Ступай на кухню и готовься к состязанию. Тебя там накормят и напоят.

Потом начальник рабов отправился к королю и рассказал ему про диковинного карлика. Король захотел повеселиться. Он похвалил начальника рабов за то, что тот не отпустил Маленького Мука, и приказал ему устроить состязание вечером на большом лугу, чтобы все его приближённые могли прийти посмотреть.

Принцы и принцессы услышали, какое будет вечером интересное зрелище, и рассказали своим слугам, а те разнесли эту новость по всему дворцу. И вечером все, у кого только были ноги, пришли на луг посмотреть, как будет бегать этот хвастун карлик.

Когда король с королевой сели на свои места, Маленький Мук вышел на середину луга и отвесил низкий поклон. Со всех сторон раздался громкий хохот. Уж очень этот карлик был смешон в своих широких шароварах и длинных-предлинных туфлях. Но Маленький Мук несколько не смутился. Он с гордым видом оперся на свою тросточку, подбоченился и спокойно ждал скорохода.

Вот наконец появился и скороход. Начальник рабов выбрал самого быстрого из королевских бегунов. Ведь Маленький Мук сам захотел этого.

Скороход презрительно посмотрел на Мука и стал с ним рядом, ожидая знака начинать состязание.

— Раз, два, три! — крикнула принцесса Амарза, старшая дочь короля, и взмахнула платком.

Оба бегуна сорвались с места и помчались как стрела. Сначала скороход немножко обогнал карлика, но вскоре

Мук настиг его и опередил. Он уже давно стоял у цели и обмахивался концом своей чалмы, а королевский скороход всё ещё был далеко. Наконец и он добежал до конца и как мёртвый повалился на землю. Король и королева захлопали в ладоши, и все придворные в один голос закричали:

— Да здравствует победитель — Маленький Мук!

Маленького Мука подвели к королю. Карлик низко поклонился ему и сказал:

— О могущественный король! Я сейчас показал тебе только часть моего искусства! Возьми меня к себе на службу.

— Хорошо, — сказал король. — Я назначаю тебя моим личным скороходом. Ты всегда будешь находиться при мне и исполнять мои поручения.

Маленький Мук очень обрадовался — наконец-то он нашёл своё счастье! Теперь он может жить безбедно и спокойно.

Король высоко ценил Мука и постоянно оказывал ему милости. Он посылал карлика с самыми важными поручениями, и никто лучше Мука не умел их исполнять. Но остальные королевские слуги были недовольны. Им очень не нравилось, что ближе всех к королю стал какой-то карлик, который только и умеет, что бегать. Они то и дело сплетничали на него королю, но король не хотел их слушать. Он всё больше и больше доверял Муку и вскоре назначил его главным скороходом.

Маленького Мука очень огорчало, что придворные ему так завидуют. Он долго старался что-нибудь придумать, чтобы они его полюбили. И наконец он вспомнил про свою тросточку, о которой совсем было позабыл.

«Если мне удастся найти клад, — раздумывал он, — эти гордые господа, наверно, перестанут меня ненавидеть. Говорят, что старый король, отец теперешнего, зарыл в своём саду большие богатства, когда к его городу подступили враги. Он, кажется, так и умер, никому не сказав, где закопаны его сокровища».

Маленький Мук только об этом и думал. Он целыми днями ходил по саду с тросточкой в руках и искал золото старого короля.

Как-то раз он гулял в отдалённом углу сада, и вдруг тросточка у него в руках задрожала и три раза ударила о землю. Маленький Мук весь затрясся от волнения. Он побежал к садовнику и выпросил у него большой заступ, а потом вернулся во дворец и стал ждать, когда стемнеет. Как только наступил вечер, карлик отправился в сад и начал копать в том месте, где стукнула палочка. Заступ оказался слишком тяжёл для слабых рук карлика, и он за час выкопал яму глубиной в каких-нибудь пол-аршина.

Долго ещё трудился Маленький Мук, и наконец его заступ ударился обо что-то твёрдое. Карлик наклонился над ямой и нащупал руками в земле какую-то железную крышку. Он поднял эту крышку и обомлел. При свете луны перед ним сверкало золото. В яме стоял большой горшок, доверху наполненный золотыми монетами.

Маленький Мук хотел
вытащить горшок из ямы, но не
мог: не хватило сил. Тогда он напихал
в карманы и за пояс как можно больше золо-
тых и потихоньку вернулся во дворец. Он спрятал
деньги у себя в постели под периной и лёг спать до-
вольный и радостный.

На другое утро Маленький Мук проснулся и подумал:
«Теперь всё переменится и мои враги будут меня лю-
бить».

Он принялся раздавать своё золото направо и налево,
но придворные стали только ещё больше ему завидовать.
Главный повар Ахули злобно шептал:

— Смотрите, Мук делает фальшивые деньги.

Ахмед, начальник рабов, говорил:

— Он выпросил их у короля.

А казначей Архаз, самый злой враг карлика, который уже
давно тайком запускал руку в королевскую сокровищницу,
кричал на весь дворец:

— Карлик украл золото из королевской казны!

Чтобы наверняка узнать, откуда у Мука взялись деньги, его
враги сговорились между собой и придумали такой план.

У короля был один любимый слуга — Корхуз. Он всегда по-
давал королю кушанья и наливал вино в его
кубок. И вот как-то раз этот Корхуз пришёл

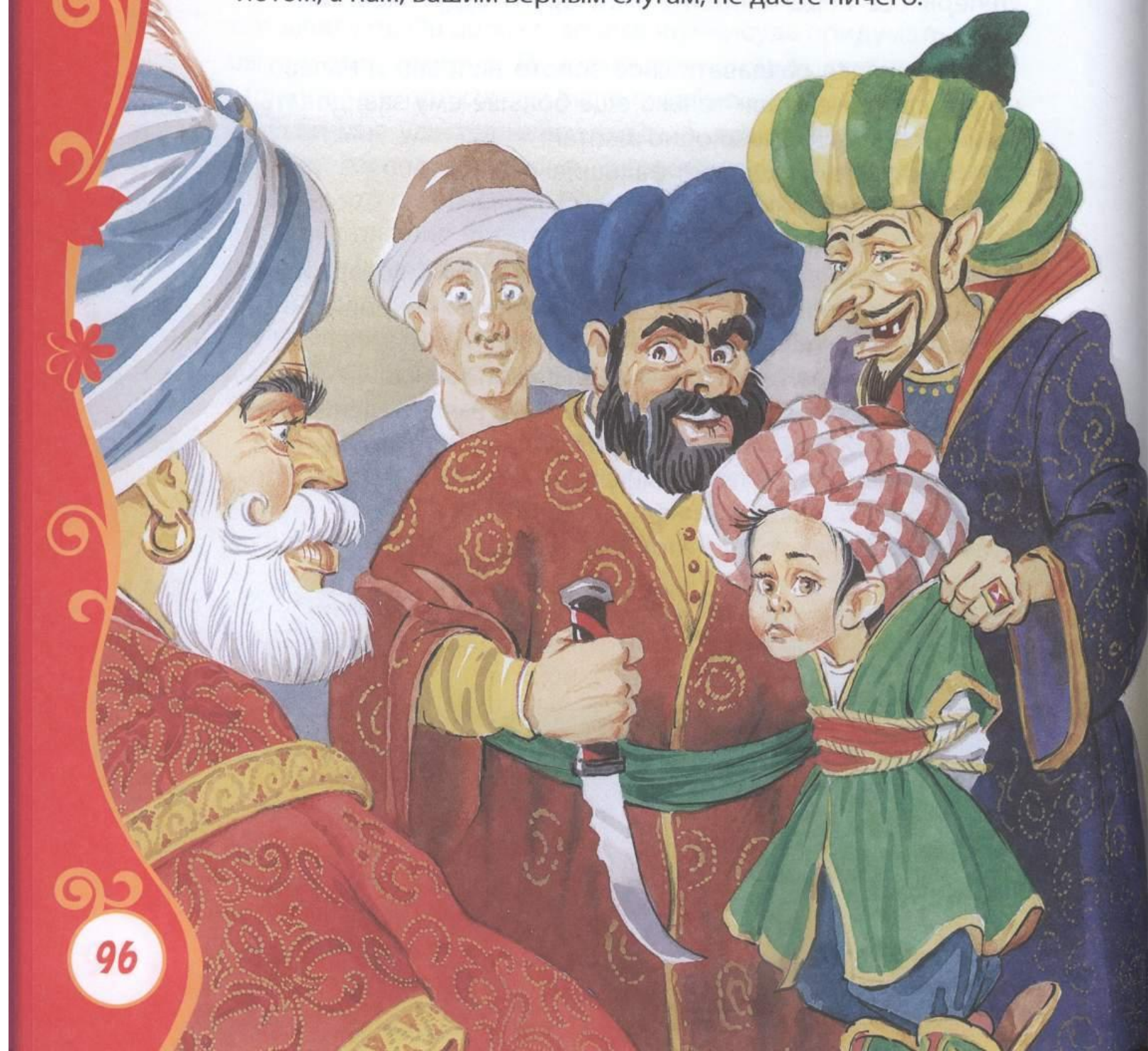
к королю грустный и печальный. Король сразу заметил это и спросил:

— Что с тобой сегодня, Корхуз? Почему ты такой грустный?

— Я грустный потому, что король лишил меня своей милости, — ответил Корхуз.

— Что ты болтаешь, мой добрый Корхуз! — сказал король. — С каких это пор я лишил тебя своей милости?

— С тех пор, ваше величество, как к вам поступил ваш главный скороход, — ответил Корхуз. — Вы осыпаете его золотом, а нам, вашим верным слугам, не даёте ничего.

И он рассказал королю, что у Маленького Мука появилось откуда-то много золота и что карлик без счёту раздаёт деньги всем придворным. Король очень удивился и велел позвать к себе Архаза — своего казначея и Ахмеда — начальника рабов. Те подтвердили, что Корхуз говорит правду. Тогда король приказал своим сыщикам потихоньку проследить и узнать, откуда карлик достаёт деньги.

На беду, у Маленького Мука как раз в этот день вышло всё золото, и он решил сходить в свою сокровищницу. Он взял заступ и отправился в сад. Сыщики, конечно, пошли за ним, Корхуз и Архаз — тоже. В ту самую минуту, когда Маленький Мук наложил полный халат золота и хотел идти обратно, они бросились на него, связали ему руки и повели к королю.

А этот король очень не любил, когда его будили среди ночи. Он встретил своего главного скорохода злой и недовольный и спросил сыщиков:

— Где вы накрыли этого бесчестного карлика?

— Ваше величество, — сказал Архаз, — мы поймали его как раз в ту минуту, когда он зарывал это золото в землю.

— Правду ли они говорят? — спросил король карлика. — Откуда у тебя столько денег?

— Милостивый король, — простодушно ответил карлик, — я ни в чём не виноват. Когда ваши люди меня схватили и связали мне руки, я не зарывал это золото в яму, а, напротив, вынимал его оттуда.

Король решил, что Маленький Мук всё лжёт, и страшно рассердился.

— Несчастный! — закричал он. — Ты сначала меня обокрал, а теперь хочешь обмануть такой глупой ложью! Казначей! Правда ли, что здесь как раз столько золота, сколько не хватает в моей казне?

— В вашей казне, милостивый король, не хватает гораздо больше, — ответил казначей. — Могу поклясться, что это золото украдено из королевской сокровищницы.

— Заковать карлика в железные цепи и посадить его в башню! — закричал король. — А ты, казначей, пойдёшь в сад, возьми

всё золото, которое найдёшь в яме, и положи его обратно в казну.

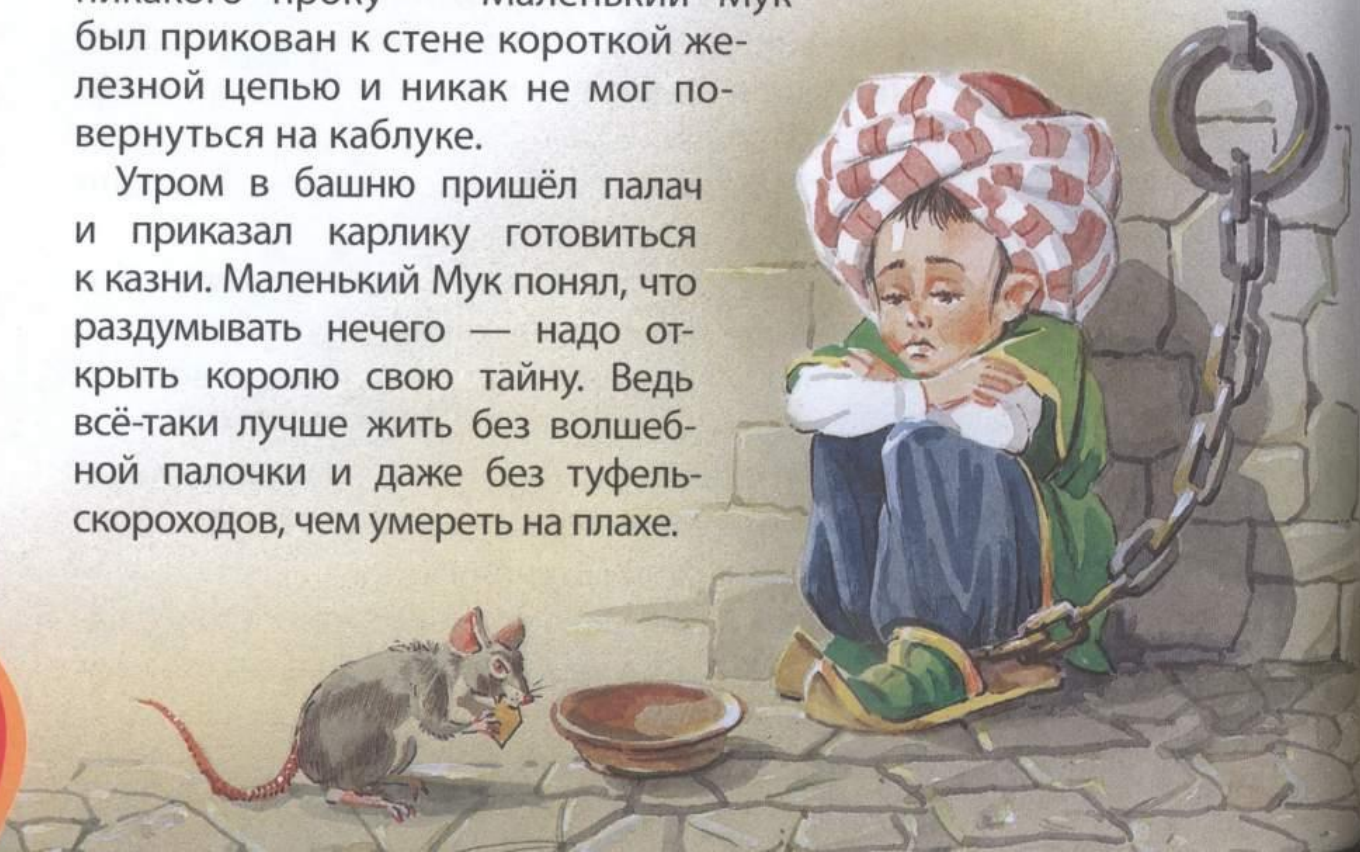
Казначей исполнил приказание короля и принёс горшок с золотом в сокровищницу. Он принялся считать блестящие монетки и пересыпать их в мешки. Наконец в горшке больше ничего не осталось. Казначей в последний раз взглянул в горшок и увидел на дне его бумажку, на которой было написано:

ВРАГИ НАПАЛИ НА МОЮ СТРАНУ Я ЗАКОПАЛ В ЭТОМ МЕСТЕ ЧАСТЬ МОИХ СОКРОВИЩ ПУСТЬ ЗНАЕТ ВСЯКИЙ КТО НАЙДЁТ ЭТО ЗОЛОТО ЧТО ЕСЛИ ОН СЕЙЧАС ЖЕ НЕ ОТДАСТ ЕГО МОЕМУ СЫНУ ОН ЛИШИТСЯ МИЛОСТИ СВОЕГО КОРОЛЯ
КОРОЛЬ САДИ

Хитрый казначей разорвал бумажку и решил никому не говорить про неё.

А Маленький Мук сидел в высокой дворцовой башне и думал, как ему спастись. Он знал, что за кражу королевских денег его должны казнить, но ему всё-таки не хотелось рассказывать королю про волшебную трость: ведь король сейчас же её отнимет, а с нею вместе, пожалуй, и туфли. Туфли всё ещё были у карлика на ногах, но от них не было никакого проку — Маленький Мук был прикован к стене короткой железной цепью и никак не мог вернуться на каблуке.

Утром в башню пришёл палач и приказал карлику готовиться к казни. Маленький Мук понял, что раздумывать нечего — надо открыть королю свою тайну. Ведь всё-таки лучше жить без волшебной палочки и даже без туфель-сорокоходов, чем умереть на плахе.

Он попросил короля выслушать его наедине и всё ему рассказал. Король сначала не поверил и решил, что карлик всё это выдумал.

— Ваше величество, — сказал тогда Маленький Мук, — обещайте мне пощаду, и я вам докажу, что говорю правду.

Королю было интересно проверить, обманывает его Мук или нет. Он велел потихоньку закопать в своём саду несколько золотых монет и приказал Муку найти их. Карлику не пришлось долго искать. Как только он дошёл до того места, где было закопано золото, палочка три раза ударила о землю. Король понял, что казначей сказал ему неправду, и велел его казнить вместо Мука. А карлика он позвал к себе и сказал:

— Я обещал не убивать тебя и сдержу своё слово. Но ты, наверно, открыл мне не все твои тайны. Ты будешь сидеть в башне до тех пор, пока не скажешь мне, отчего ты так быстро бегаешь.

Бедному карлику очень не хотелось возвращаться в тёмную, холодную башню. Он рассказал королю про свои чудесные туфли, но самого главного — как их остановить — не сказал. Король решил сам испытать эти туфли. Он надел их, вышел в сад и как бешеный помчался по дорожке. Скоро он захотел остановиться, но не тут-то было. Напрасно он хватался за кусты и деревья — туфли всё тащили и тащили его вперёд. А карлик стоял и посмеивался. Ему было очень приятно хоть немного отомстить этому жестокому королю. Наконец король выбился из сил и упал на землю.

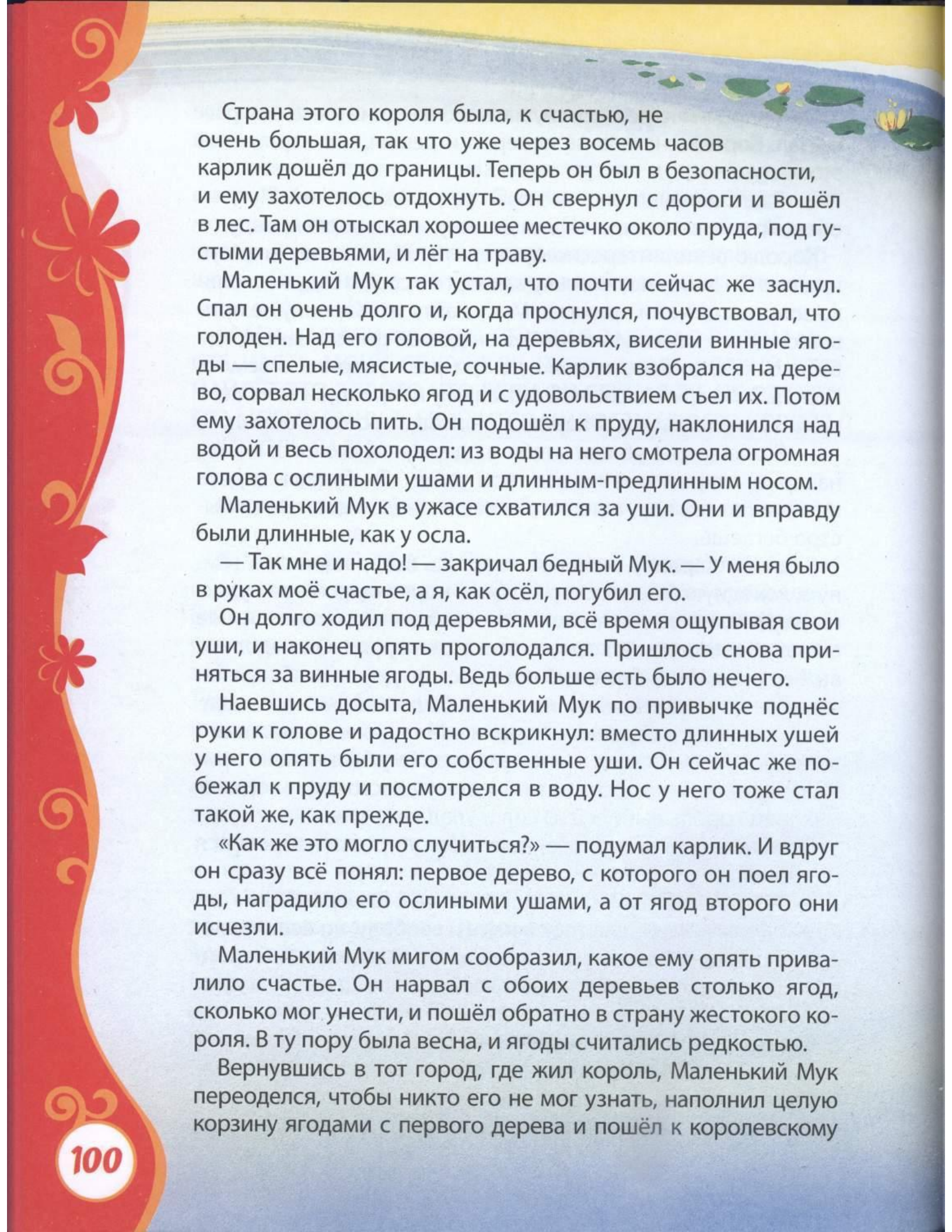
Опомнившись немного, он вне себя от ярости набросился на карлика.

— Так вот как ты обращаешься со своим королём! — кричал он. — Я обещал тебе жизнь и свободу, но если ты через двенадцать часов ещё будешь на моей земле, я тебя поймаю, и тогда уж не рассчитывай на пощаду. А туфли и тросточку я возьму себе.

Бедному карлику ничего не оставалось, как поскорей убраться из дворца. Печально плёлся он по городу. Он был такой же бедный и несчастный, как прежде, и горько проклинал свою судьбу.

Страна этого короля была, к счастью, не очень большая, так что уже через восемь часов карлик дошёл до границы. Теперь он был в безопасности, и ему захотелось отдохнуть. Он свернул с дороги и вошёл в лес. Там он отыскал хорошее местечко около пруда, под густыми деревьями, и лёг на траву.

Маленький Мук так устал, что почти сейчас же заснул. Спал он очень долго и, когда проснулся, почувствовал, что голоден. Над его головой, на деревьях, висели винные ягоды — спелые, мясистые, сочные. Карлик взобрался на дерево, сорвал несколько ягод и с удовольствием съел их. Потом ему захотелось пить. Он подошёл к пруду, наклонился над водой и весь похолодел: из воды на него смотрела огромная голова с ослиными ушами и длинным-предлинным носом.

Маленький Мук в ужасе схватился за уши. Они и вправду были длинные, как у осла.

— Так мне и надо! — закричал бедный Мук. — У меня было в руках моё счастье, а я, как осёл, погубил его.

Он долго ходил под деревьями, всё время ощупывая свои уши, и наконец опять проголодался. Пришлось снова приняться за винные ягоды. Ведь больше есть было нечего.

Наевшись досыта, Маленький Мук по привычке поднёс руки к голове и радостно вскрикнул: вместо длинных ушей у него опять были его собственные уши. Он сейчас же побежал к пруду и посмотрелся в воду. Нос у него тоже стал такой же, как прежде.

«Как же это могло случиться?» — подумал карлик. И вдруг он сразу всё понял: первое дерево, с которого он поел ягоды, наградило его ослиными ушами, а от ягод второго они исчезли.

Маленький Мук мигом сообразил, какое ему опять привалило счастье. Он нарвал с обоих деревьев столько ягод, сколько мог унести, и пошёл обратно в страну жестокого короля. В ту пору была весна, и ягоды считались редкостью.

Вернувшись в тот город, где жил король, Маленький Мук переоделся, чтобы никто его не мог узнать, наполнил целую корзину ягодами с первого дерева и пошёл к королевскому

A colorful illustration of a man with a very long, pointed nose, wearing a red and white striped turban and a green robe. He is leaning over a blue pond, with his nose touching the water. The background shows a yellow sky, green grass, and a red flower. The right side of the page has a decorative red border with floral patterns.

дворцу. Дело было утром, и перед воротами дворца сидело много торговков со всякими припасами. Мук также уселся рядом с ними. Вскоре из дворца вышел главный повар и принялся обходить торговков и осматривать их товар. Дойдя до Маленького Мука, повар увидел винные ягоды и очень обрадовался.

— Ага, — сказал он, — вот подходящее лакомство для короля! Сколько ты хочешь за всю корзину?

Маленький Мук не стал дорожиться, и главный повар взял корзину с ягодами и ушёл. Только он успел уложить ягоды на блюдо, как король потребовал завтрак. Он ел с большим удовольствием и то и дело похваливал своего повара. А повар только посмеивался себе в бороду и говорил:

— Подождите, ваше величество, самое вкусное блюдо ещё впереди.

Все, кто был за столом — придворные, принцы и принцессы, — напрасно старались догадаться, какое лакомство приготовил им сегодня главный повар. И когда наконец на стол подали хрустальное блюдо,

полное спелых ягод, все в один голос воскликнули: «Ах!» — и даже захлопали в ладоши.

Король сам взялся делить ягоды. Принцы и принцессы получили по две штуки, придворным досталось по одной, а остальные король приберёг для себя — он был очень жадный и любил сладкое. Король положил ягоды на тарелку и с удовольствием принялся их есть.

— Отец, отец, — вдруг закричала принцесса Амарза, — что случилось с твоими ушами?

Король потрогал свои уши руками и вскрикнул от ужаса. Уши у него стали длинные, как у осла. Нос тоже вдруг вытянулся до самого подбородка. Принцы, принцессы и придворные были немногим лучше на вид: у каждого на голове появилось такое же украшение.

— Доктора, доктора скорей! — закричал король.

Сейчас же послали за докторами. Их пришла целая толпа. Они прописывали королю разные лекарства, но лекарства не помогали. Одному принцу даже сделали операцию — отрезали уши, но они снова отросли.

Дня через два Маленький Мук решил, что пришло время действовать. На деньги, полученные за винные ягоды, он купил себе большой чёрный плащ и высокий остроконечный колпак. Чтобы его совсем не могли узнать, он привязал себе длинную белую бороду. Захватив с собой корзину ягод со второго дерева, карлик пришёл во дворец и сказал, что может выле-

чить короля. Сначала ему никто не поверил. Тогда Мук предложил одному принцу попробовать его лечение. Принц съел несколько ягод, и длинный нос и ослиные уши у него пропали. Тут уж придворные толпой бросились к чудесному доктору. Но король опередил всех. Он молча взял карлика за руку, привёл его в свою сокровищницу и сказал:

— Вот перед тобой все мои богатства. Бери что хочешь, только вылечи меня от этой ужасной болезни.

Маленький Мук сейчас же заметил в углу комнаты свою волшебную тросточку и туфли-скороходы. Он принялся ходить взад и вперёд, словно разглядывая королевские богатства, и незаметно подошёл к туфлям. Мигом надел он их на ноги, схватил тросточку и сорвал с подбородка бороду.

Король чуть не упал от удивления, увидев знакомое лицо своего главного скорохода.

— Злой король! — закричал Маленький Мук. — Так-то ты отплатил мне за мою верную службу? Оставайся же на всю жизнь длинноухим уродом и вспоминай Маленького Мука!

Он быстро повернулся три раза на каблуке и, прежде чем король успел сказать слово, был уже далеко...

С тех пор Маленький Мук живёт в нашем городе. Ты видишь, как много он испытал. Его нужно уважать, хоть с виду он и смешной.

Вот какую историю рассказал мне мой отец. Я передал всё это другим мальчишкам, и ни один из нас никогда больше не смеялся над карликом. Напротив, мы его очень уважали и так низко кланялись ему на улице, словно он был начальник города или главный судья.

Карлик Нос

Перевод с немецкого
М. Салье

В одном большом германском городе жил когда-то сапожник Фридрих со своей женой Ханной. Весь день он сидел у окна и клал заплатки на башмаки и туфли. Он и новые башмаки брался шить, если кто заказывал, но тогда ему приходилось сначала покупать кожу. Запастись товаром заранее он не мог — денег не было.

А Ханна продавала на рынке плоды и овощи со своего маленького огорода. Она была женщина опрятная, умела красиво разложить товар, и у неё всегда было много покупателей.

У Ханны и Фридриха был сын Якоб — стройный, красивый мальчик, довольно высокий для своих двенадцати лет. Обыкновенно он сидел возле матери на базаре. Когда какой-нибудь повар или кухарка покупали у Ханны сразу много овощей, Якоб помогал им донести покупку до дому и редко возвращался назад с пустыми руками.

Покупатели Ханны любили хорошенького мальчика и почти всегда дарили ему что-нибудь: цветок, пирожное или монетку.

Однажды Ханна, как всегда, торговала на базаре. Перед ней стояло несколько корзин с капустой, картошкой, кореньями и всякой зеленью. Тут же в маленькой корзинке красовались ранние груши, яблоки, абрикосы.

Якоб сидел возле матери и громко кричал:

— Сюда, сюда, повара, кухарки!.. Вот хорошая капуста, зелень, груши, яблоки! Кому надо? Мать дёшево отдаст!

И вдруг к ним подошла какая-то бедно одетая старуха с маленькими красными глазками, острым, сморщенным от старости личиком и длинным-предлинным носом, который спускался до самого подбородка. Старуха опиралась на костыль, и удивительно было, что она вообще может ходить: она хромала, скользила и переваливалась, точно у неё на ногах были колёса. Казалось, она вот-вот упадёт и ткнётся своим острым носом в землю.

Ханна с любопытством смотрела на старуху. Вот уже без малого шестнадцать лет, как она торгует на базаре, а такой чудной старушонки ещё ни разу не видела. Ей даже немного жутко стало, когда старуха остановилась возле её корзин.

— Это вы Ханна, торговка овощами? — спросила старуха скрипучим голосом, всё время тряся головой.

— Да, — ответила жена сапожника. — Вам угодно что-нибудь купить?

— Увидим, увидим, — пробормотала себе под нос старуха. — Зелень поглядим, корешки посмотрим. Есть ли ещё у тебя то, что мне нужно...

Она нагнулась и стала шарить своими длинными коричневыми пальцами в корзине с пучками зелени, которые Ханна разложила так красиво и аккуратно. Возьмёт пучок, поднесёт к носу и обнюхивает со всех сторон, а за ним — другой, третий.

У Ханны прямо сердце разрывалось — до того тяжело ей было смотреть, как старуха обращается с зеленью. Но она не могла сказать ей ни слова — покупатель ведь имеет право осматривать товар. Кроме того, она всё больше и больше боялась этой старухи.

Переворошив всю зелень, старуха выпрямилась и проворчала:

— Плохой товар!.. Плохая зелень!.. Ничего нет из того, что мне нужно. Пятьдесят лет назад было куда лучше!.. Плохой товар! Плохой товар!

Эти слова рассердили маленького Якоба.

— Эй, ты, бессовестная старуха! — крикнул он. — Перенюхала всю зелень своим длинным носом, перемяла корешки корявыми пальцами, так что теперь их никто не купит, и ещё ругаешься, что плохой товар! У нас сам герцогский повар покупает!

Старуха искоса поглядела на мальчика и сказала хриплым голосом:

— Тебе не нравится мой нос, мой нос, мой прекрасный длинный нос? И у тебя такой же будет, до самого подбородка.

Она подкатилась к другой корзине — с капустой, вынула из неё несколько чудесных белых кочанов и так сдавила их, что они жалобно затрещали. Потом она кое-как побросала кочаны обратно в корзину и снова проговорила:

— Плохой товар! Плохая капуста!

— Да не трясисти так противно головой! — закричал Якоб. — У тебя шея не толще кочерыжки — того и гляди, обломится, и голова упадёт в нашу корзину. Кто у нас тогда что купит?

— Так у меня, по-твоему, слишком тонкая шея? — сказала старуха, всё так же усмехаясь. — Ну, а ты будешь совсем без шеи. Голова у тебя будет торчать прямо из плеч — по крайней мере, не свалится с тела.

— Не говорите мальчику таких глупостей! — сказала наконец Ханна, не на шутку рассердившись. — Если вы хотите что-нибудь купить, так покупайте скорей. Вы у меня разгоните всех покупателей.

Старуха сердито поглядела на Ханну.

— Хорошо, хорошо, — проворчала она. — Пусть будет по-твоему. Я возьму у тебя эти шесть кочанов капусты. Но только у меня в руках костыль, и я не могу сама ничего нести. Пусть твой сын донесёт мне покупку до дому. Я его хорошо награжу за это.

Якобу очень не хотелось идти, и он даже заплакал — он боялся этой страшной старухи. Но мать строго приказала ему слушаться — ей казалось грешно заставлять старую, слабую женщину нести такую тяжесть. Вытирая слёзы, Якоб положил капусту в корзину и пошёл следом за старухой.

Она брела не очень-то скоро, и прошёл почти час, пока они добрались до какой-то дальней улицы на окраине города и остановились перед маленьким полуразвалившимся домиком.

Старуха вынула из кармана какой-то заржавленный крючок, ловко всунула его в дырочку в двери, и вдруг дверь с шумом распахнулась. Якоб вошёл и застыл на месте от удивления: потолки

и стены в доме были мраморные, кресла, стулья и столы — из чёрного дерева, украшенного золотом и драгоценными камнями, а пол был стеклянный и до того гладкий, что Якоб несколько раз поскользнулся и упал.

Старуха приложила к губам маленький серебряный свисток и как-то по-особенному, раскатисто, свистнула — так, что свисток затрещал на весь дом. И сейчас же по лестнице быстро сбежали вниз морские свинки — совсем необыкновенные морские свинки, которые ходили на двух лапках. Вместо башмаков у них были ореховые скорлупки, и одеты эти свинки были совсем как люди — даже шляпы не забыли захватить.

— Куда вы девали мои туфли, негодницы! — закричала старуха и так ударила свинок палкой, что они с визгом подскочили. — Долго ли я ещё буду здесь стоять?..

Свинки бегом побежали вверх по лестнице, принесли две скорлупки кокосового ореха на кожаной подкладке и ловко надели их старухе на ноги.

Старуха сразу перестала хромать. Она отшвырнула свою палку в сторону и быстро-быстро заскользила по стеклянному полу, таща за собой маленького Якоба. Ему было даже трудно поспевать за ней, до того проворно она двигалась в своих кокосовых скорлупках.

Наконец старуха остановилась в какой-то комнате, где было много всякой посуды. Это, видимо, была кухня, хотя полы в ней были устланы коврами, а на диванах лежали вышитые подушки, как в каком-нибудь дворце.

— Садись, сынок, — ласково сказала старуха и усадила Якоба на диван, пододвинув к дивану стол, чтобы Якоб не мог никуда уйти со своего места. — Отдохни хорошенько — ты, наверно, устал. Ведь человеческие головы — нелёгкая ноша.

— Что вы болтаете! — закричал Якоб. — Устать-то я и вправду устал, но я нёс не головы, а кочаны капусты. Вы купили их у моей матери.

— Это ты неверно говоришь, — сказала старуха и засмеялась.

И, раскрыв корзинку, она вытащила из неё за волосы человеческую голову.

Якоб чуть не упал, до того испугался. Он сейчас же подумал о своей матери. Ведь если кто-нибудь узнает про эти головы, на неё мигом донесут, и ей придётся плохо.

— Нужно тебя ещё наградить за то, что ты такой послушный, — продолжала старуха. — Потерпи немного: я сварю тебе такой суп, что ты его до смерти вспоминать будешь.

Она снова свистнула в свой свисток, и на кухню примчались морские свинки, одетые как люди: в передниках, с поварёшками и кухонными ножами за поясом. За ними прибежали белки — много белок, тоже на двух ногах; они были

в широких шароварах и зелёных бархатных шапочках. Это, видно, были поварята. Они быстро-быстро карабкались по стенам и приносили к плите миски и сковородки, яйца, масло, корни и муку. А у плиты суежилась, катаясь взад и вперёд на своих кокосовых скорлупках, сама старуха — ей, видно, очень хотелось сварить для Якоба что-нибудь хорошее. Огонь под плитой разгорался всё сильнее, на сковородках что-то шипело и дымилось, по комнате разносился приятный, вкусный запах. Старуха металась то туда, то сюда и то и дело совала в горшок с супом свой длинный нос, чтобы посмотреть, не готово ли кушанье.

Наконец в горшке что-то заклокотало и забулькало, из него повалил пар, и на огонь полилась густая пена.

Тогда старуха сняла горшок с плиты, отлила из него супу в серебряную миску и поставила миску перед Якобом.

— Кушай, сынок, — сказала она. — Поешь этого супу и будешь такой же красивый, как я. И поваром хорошим сделаешься — надо же тебе знать какое-нибудь ремесло.

Якоб не очень хорошо понимал, что это старуха бормочет себе под нос, да и не слушал её — больше был занят супом. Мать часто стряпала для него всякие вкусные вещи, но ничего лучше этого супа ему ещё не приходилось пробовать. От него так хорошо пахло зеленью и кореньями, он был одновременно и сладкий, и кисловатый, и к тому же очень крепкий.

Когда Якоб почти что доел суп, свинки зажгли на маленькой жаровне какое-то куренье с приятным запахом, и по всей комнате поплыли облака голубоватого дыма. Он становился всё гуще и гуще, всё плотней и плотней окутывал мальчика, так что у Якоба наконец закружилась голова. Напрасно говорил он себе, что ему пора возвращаться к матери, напрасно пытался встать на ноги. Стоило ему приподняться, как он снова падал на диван — до того ему вдруг захотелось спать. Не прошло и пяти минут, как он и вправду заснул на диване, в кухне безобразной старухи.

И увидел Якоб удивительный сон. Ему приснилось, будто старуха сняла с него одежду и завернула его в беличью шкурку. Он научился прыгать и скакать, как белка, и подружился с другими белками и свинками. Все они были очень хорошие.

И стал Якоб, как они, прислуживать старухе. Сначала ему пришлось быть чистильщиком обуви. Он должен был смазывать маслом кокосовые скорлупки, которые старуха носила на ногах, и так натирать их тряпочкой, чтобы они блестели. Дома Якобу часто приходилось чистить туфли и башмаки, так что дело быстро пошло у него на лад.

Примерно через год его перевели на другую, более трудную должность. Вместе с несколькими другими белками он вылавливал пылинки из солнечного луча и просеивал их сквозь самое мелкое сито, а потом из них пекли для старухи хлеб. У неё во рту не осталось ни одного зуба, потому-то ей и приходилось есть булки из солнечных пылинок, мягче которых, как все знают, нет ничего на свете.

Ещё через год Якобу было поручено добывать старухе воду для питья. Вы думаете, у неё был вырыт на дворе колодец или поставлено ведро, чтобы собирать в него дождевую воду? Нет, простой воды старуха и в рот не брала. Якоб с белками собирал в ореховые скорлупки росу с цветов, и старуха только её и пила. А пила она очень много, так что работы у водоносов было по горло.

Прошёл ещё год, и Якоб перешёл служить в комнаты — чистить полы. Это тоже оказалось не очень-то лёгким делом: полы-то ведь были стеклянные — на них дохнёшь, и то видно. Якоб чистил их щётками и натирал суконкой, которую навёртывал себе на ноги.

На пятый год Якоб стал работать на кухне. Это была работа почётная, к которой допускали с разбором, после долгого испытания. Якоб прошёл все должности, от поварёнка до старшего пирожного мастера, и стал таким опытным и искусным поваром, что даже сам себе удивлялся. Чего только он не выучился стряпать! Самые замысловатые кушанья — пирожное двухсот сортов, супы из всех трав и кореньев, какие есть на свете, — всё он умел приготовить быстро и вкусно.

Так Якоб прожил у старухи лет семь. И вот однажды она надела на ноги свои ореховые скорлупки, взяла костыль и корзину, чтобы идти в город, и приказала Якобу ощипать курицу, начинить её зеленью и хорошенько подрумянить. Якоб сейчас же принялся за работу. Он свернул птице голову, ошпарил её всю кипятком, ловко ощипал с неё перья, выскоблил кожу, так что она стала нежная и блестящая, и вынул внутренности. Потом ему понадобились травы, чтобы начинить ими курицу. Он пошёл в кладовую, где хранилась у старухи всякая зелень, и принялся отбирать то, что ему было нужно. И вдруг он увидел в стене кладовой маленький шкафчик, которого раньше никогда не замечал. Дверца шкафчика была приоткрыта. Якоб с любопытством заглянул в него и видит — там стоят какие-то маленькие корзиночки. Он открыл одну из них и увидел диковинные травы, какие ему ещё никогда не попадались. Стебли у них были зеленоватые, и на каждом стебельке — ярко-красный цветочек с жёлтым ободком.

Якоб поднёс один цветок к носу и вдруг почувствовал знакомый запах — такой же, как у супа, которым старуха накормила его, когда он к ней пришёл. Запах был до того сильный, что Якоб громко чихнул несколько раз и проснулся.

Он с удивлением осмотрелся кругом и увидел, что лежит на том же диване, в кухне у старухи.

«Ну и сон же это был! Прямо будто наяву! — подумал Якоб. — То-то матушка посмеётся, когда я ей всё это расскажу! И попадёт же мне от неё за то, что я заснул в чужом доме, вместо того чтобы вернуться к ней на базар!»

Он быстро вскочил с дивана и хотел бежать к матери, но почувствовал, что всё тело у него точно деревянное, а шея совсем окоченела — он еле-еле мог шевельнуть головой. Он то и дело задевал носом за стену или за шкаф, а раз, когда быстро повернулся, даже больно ударился о дверь. Белки и свинки бегали вокруг Якоба и пищали — видно, им не хотелось его отпускать. Выходя из дома старухи, Якоб поманил их за собой — ему тоже было жалко с ними расставаться, но они быстро укатили назад в комнаты на своих скорлупках, и мальчик долго ещё слышал издали их жалобный писк.

Домик старухи, как мы уже знаем, был далеко от рынка, и Якоб долго пробирался узкими, извилистыми переулками, пока не добрался до рынка. На улицах толпилось очень много народу. Где-то поблизости, наверное, показывали карлика, потому что все вокруг Якоба кричали:

— Посмотрите, вот безобразный карлик! И откуда он только взялся? Ну и длинный же у него нос! А голова — прямо на плечах торчит, без шеи! А руки-то, руки!.. Поглядите — до самых пяток!

Якоб в другое время с удовольствием сбегал бы поглядеть на карлика, но сегодня ему было не до того — надо было спешить к матери.

Наконец Якоб добрался до рынка. Он порядком побаивался, что ему попадёт от матери. Ханна всё ещё сидела на своём месте,

и у неё в корзине было порядочно овощей — значит, Якоб проспал не особенно долго. Уже издали он заметил, что его мать чем-то опечалена. Она сидела молча, подперев рукой щеку, бледная и грустная.

Якоб долго стоял, не решаясь подойти к матери. Наконец он собрался с духом и, подкравшись к ней сзади, положил ей руку на плечо и сказал:

— Мама, что с тобой? Ты на меня сердишься?

Ханна обернулась и, увидев Якоба, вскрикнула от ужаса.

— Что тебе нужно от меня, страшный карлик? — закричала она. — Уходи, уходи! Я не терплю таких шуток!

— Что ты, матушка? — испуганно сказал Якоб. — Ты, наверно, нездорова. Почему ты гонишь меня?

— Говорю тебе, уходи своей дорогой! — сердито крикнула Ханна. — От меня ты ничего не получишь за твои шутки, противный урод!

«Она сошла с ума! — подумал бедный Якоб. — Как мне теперь увести её домой?»

— Мамочка, посмотри же на меня хорошенько, — сказал он, чуть не плача. — Я ведь твой сын Якоб!

— Нет, это уж слишком! — закричала Ханна, обращаясь к своим соседкам. — Посмотрите на этого ужасного карлика! Он отпугивает всех покупателей да ещё смеётся над моим горем! Говорит — я твой сын, твой Якоб, негодяй этакий!

Торговки, соседки Ханны, разом вскочили на ноги и принялись ругать Якоба:

— Как ты смеешь шутить над её горем! Её сына украли семь лет назад. А какой мальчик был — прямо картинка! Убирайся сейчас же, не то мы тебе глаза выцарапаем!

Бедный Якоб не знал, что подумать. Ведь он же сегодня утром пришёл с матерью на

базар и помог ей разложить овощи, потом отнёс к старухе домой капусту, зашёл к ней, поел у неё супу, немного поспал и вот теперь вернулся. А торговки говорят про какие-то семь лет. И его, Якоба, называют противным карликом. Что же с ними такое случилось?

Со слезами на глазах побрёл Якоб с рынка. Раз мать не хочет его признавать, он пойдёт к отцу.

«Посмотрим, — думал Якоб. — Неужели и отец тоже прогонит меня? Я стану у двери и заговорю с ним».

Он подошёл к лавке сапожника, который, как всегда, сидел там и работал, стал возле двери и заглянул в лавку. Фридрих был так занят работой, что сначала не заметил Якоба. Но вдруг случайно поднял голову, выронил из рук шило и дратву и вскрикнул:

— Что это такое? Что такое?

— Добрый вечер, хозяин, — сказал Якоб и вошёл в лавку. — Как поживаете?

— Плохо, сударь мой, плохо! — ответил сапожник, который тоже, видно, не узнал Якоба. — Работа совсем не ладится. Мне уже много лет, а я один — чтобы нанять подмастерья, денег не хватает.

— А разве у вас нет сына, который мог бы вам помочь? — спросил Якоб.

— Был у меня один сын, Якобом его звали, — ответил сапожник. — Теперь было бы ему годков двадцать. Он бы здорово поддержал меня. Ведь ему всего двенадцать лет было, а такой был умница! И в ремесле уже кое-что смекал, и красавец был писаный. Он бы уж сумел приманить заказчиков, не пришлось бы мне теперь класть заплатки — одни бы новые башмаки шил. Да уж, видно, такая моя судьба!

— А где же теперь ваш сын? — робко спросил Якоб.

— Про то один Господь знает, — ответил с тяжёлым вздохом сапожник. — Вот уже семь лет прошло, как его увели от нас на базаре.

— Семь лет! — с ужасом повторил Якоб.

— Да, сударь мой, семь лет. Как сейчас помню, жена прибежала с базара, воет, кричит: уж вечер, а дитя не верну-

лось. Она целый день его искала, всех спрашивала, не видали ли, — и не нашла.

Я всегда говорил, что этим кончится.

Наш Якоб — что правда, то правда —

был пригожий ребёнок, жена гор-

дилась им и частенько посылала

его отнести добрым людям овощи

или что другое. Грех сказать — его

всегда хорошо награждали, но

я частенько говорил жене: «Смотри,

Ханна! Город большой, в нём много

злых людей. Как бы чего не случи-

лось с нашим Якобом!» Так и вышло!

Пришла в тот день на базар какая-то

женщина, старая, безобразная, выбирала, выбирала товар

и столько в конце концов накупила, что самой не отнести.

Ханна, добрая душа, и пошли с ней мальчика... Так мы его

больше и не видали.

— И значит, с тех пор прошло семь лет?

— Весной семь будет. Уж мы и объявляли о нём, и по людям ходили, спрашивали про мальчишку — его ведь многие знали, все его, красавчика, любили, — но сколько ни искали, так и не нашли. И женщину ту, что у Ханны овощи покупала, никто с тех пор не видал. Одна древняя старуха — девяносто уже лет на свете живёт — говорила Ханне, что это, может быть, злая колдунья Крейтервейс, что приходит в город раз в пятьдесят лет закупать провизию.

Так рассказывал отец Якоба, постукивая молотком по сапогу и вытягивая длинную вощёную дратву. Теперь наконец Якоб понял, что с ним случилось. Значит, он не во сне это видел, а вправду семь лет был белкой и служил у злой колдуньи. У него прямо сердце разрывалось с досады. Семь лет жизни у него украла старуха, а что он за это получил? Научился чистить кокосовые скорлупки и натирать стеклянные полы да всякие вкусные кушанья выучился готовить!

Долго стоял он на пороге лавки, не говоря ни слова. Наконец сапожник спросил его:

— Может быть, вам что-нибудь у меня приглянулось, сударь? Не возьмёте ли пару туфель или хотя бы, — тут он вдруг прыснул со смеху, — футляр для носа?

— А что такое с моим носом? — сказал Якоб. — Зачем мне для него футляр?

— Воля ваша, — ответил сапожник, — но будь у меня такой ужасный нос, я бы, осмелюсь сказать, прятал его в футляр — хороший футляр из розовой лайки. Взгляните, у меня как раз есть подходящий кусочек. Правда, на ваш нос понадобится немало кожи. Но как вам будет угодно, сударь мой. Ведь вы, верно, частенько задеваете носом за двери.

Якоб ни слова не мог сказать от удивления. Он пощупал свой нос — нос был толстый и длинный, четверти в две, не меньше. Видно, злая старуха превратила его в уродца. Вот почему мать не узнала его.

— Хозяин, — чуть не плача, сказал он, — нет ли у вас здесь зеркала? Мне нужно посмотреться в зеркало, обязательно нужно.

— Сказать по правде, сударь, — ответил сапожник, — не такая у вас наружность, чтобы было чем гордиться. Незачем вам каждую минуту глядеться в зеркало. Бросьте эту привычку — уж вам-то она совсем не к лицу.

— Дайте, дайте мне скорей зеркало! — взмолился Якоб. — Уверяю вас, мне очень нужно. Я правда не из гордости...

— Да ну вас совсем! Нет у меня зеркала! — рассердился сапожник. — У жены было одно малюсенькое, да не знаю, куда она его задевала. Если уж вам так не терпится на себя посмотреть — вон напротив лавка цирюльника Урбана. У него есть зеркало, раза в два больше вас. Глядитесь в него сколько душе угодно. А затем — пожелаю вам доброго здоровья.

И сапожник легонько вытолкнул Якоба из лавки и захлопнул за ним дверь. Якоб быстро перешёл через улицу и вошёл к цирюльнику, которого он раньше хорошо знал.

— Доброе утро, Урбан, — сказал он. — У меня к вам большая просьба: будьте добры, позвольте мне посмотреться в ваше зеркало.

— Сделайте одолжение. Вон оно стоит в левом простенке! — крикнул Урбан и громко расхохотался. — Полюбуйтесь, полюбуйтесь на себя, вы ведь настоящий красавчик — тоненький, стройный, шея лебединая, руки словно у королевы, а носик курносенький, — лучше нет на свете! Вы, конечно, немножко им щеголяете, ну да всё равно, посмотрите на себя. Пусть не говорят, что я из зависти не позволил вам посмотреть в моё зеркало.

Посетители, которые пришли к Урбану бриться и стричься, оглушительно хохотали, слушая его шутки. Якоб подошёл к зеркалу и невольно отшатнулся. Слёзы выступили у него на глазах. Неужели это он, этот уродливый карлик! Глаза у него стали маленькие, как у свиньи, огромный нос свешивался ниже подбородка, а шеи как будто и совсем не было. Голова глубоко ушла в плечи, и он почти совсем не мог её повернуть. А ростом он был такой же, как семь лет назад, — совсем маленький. Другие мальчишки за эти годы выросли вверх, а Якоб рос в ширину. Спина и грудь у него были широкие-преширокие, и он был похож на большой, плотно набитый мешок. Тоненькие коротенькие ножки едва несли его тяжёлое тело. А руки с крючковатыми пальцами были, наоборот, длинные, как у взрослого мужчины, и свисали почти до земли. Таков был теперь бедняга Якоб.

«Да, — подумал он, глубоко вздыхая, — немудрено, что ты не узнала своего сына, матушка! Не таков он был раньше, когда ты любила похвастать им перед соседками!»

Ему вспомнилось, как старуха подошла в то утро к его матери. Всё, над чем он тогда смеялся — и длинный нос, и безобразные пальцы, — получил он от старухи за свои насмешки. А шею она у него отняла, как обещала...

— Ну что, вдоволь насмотрелись на себя, мой красавчик? — спросил со смехом Урбан, подходя к зеркалу и оглядывая Якоба с головы до ног. — Честное слово, такого смешного карлика и во сне не увидишь. Знаете, малыш, я хочу вам предложить одно дело. В моей цирюльне бывает порядочно народу, но не так много, как раньше. А всё потому, что мой сосед, цирюльник Шаум, раздобыл себе где-то великана, который переманивает к нему посетителей. Ну, стать великаном, вообще говоря, уж не так хитро, а вот таким крошкой, как вы, — это другое дело. Поступайте ко мне на службу, малыш. И жильё, и пищу, и одежду — всё от меня будете получать, а работы-то всего — стоять у дверей цирюльни и зазывать народ. Да, пожалуй, ещё взбивать мыльную пену и подавать полотенце. И наверняка вам скажу, мы оба останемся в выгоде: у меня будет больше посетителей, чем у Шаума с его великаном, а вам каждый ещё на чаёк даст.

Якоб в душе очень обиделся — как это ему предлагают быть приманкой в цирюльне! — но что поделаешь, пришлось стерпеть это оскорбление. Он спокойно ответил, что слишком занят и не может взяться за такую работу, и ушёл.

Хотя тело у Якоба было изуродовано, голова работала хорошо, как прежде. Он почувствовал, что за эти семь лет сделался совсем взрослым.

«Не то беда, что я стал уродом, — размышлял он, идя по улице. — Обидно, что и отец, и мать прогнали меня прочь, как собаку. Попробую ещё раз поговорить с матерью. Может быть, она меня всё-таки узнает».

Он снова отправился на рынок и, подойдя к Ханне, попросил её спокойно выслушать, что он хочет ей сказать. Он напомнил ей, как его увела старуха, перечислил всё, что случилось с ним в детстве, и рассказал, что семь лет прожил у колдуньи, которая превратила его сначала в белку, а потом в карлика за то, что он над ней посмеялся.

Ханна не знала, что ей и думать. Всё, что говорил карлик про своё детство, было правильно, но чтобы он семь лет был белкой, этому она поверить не могла.

— Это невозможно! — воскликнула она.

Наконец Ханна решила посоветоваться с мужем.

Она собрала свои корзины и предложила Якобу пойти вместе с ней в лавку сапожника. Когда они пришли, Ханна сказала мужу:

— Этот карлик говорит, что он наш сын Якоб. Он мне рассказал, что его семь лет назад у нас украла и заколдовала волшебница...

— Ах, вот как! — сердито перебил её сапожник. — Он тебе, значит, всё это рассказал? Подожди, глупая! Я сам ему только что рассказывал про нашего Якоба, а он, вишь, прямо к тебе и давай тебя дурачить... Так тебя, говоришь, заколдовали? А ну-ка, я тебя сейчас расколдую.

Сапожник схватил ремень и, подскочив к Якобу, так отхлестал его, что тот с громким плачем выскочил из лавки.

Целый день бродил бедный карлик по городу не евши, не пивши. Никто не пожалел его, и все над ним только смеялись. Ночевать ему пришлось на церковной лестнице, прямо на жёстких, холодных ступеньках.

Как только взошло солнце, Якоб встал и опять пошёл бродить по улицам.

«Как же я буду жить дальше? — думал он. — Быть вывеской у цирюльника или показываться за деньги я не хочу, а мать и отец меня прогнали. Что же мне придумать, чтобы не умереть с голоду?»

И тут Якоб вспомнил, что, пока он был белкой и жил у старухи, ему удалось научиться хорошо стряпать. И он решил поступить поваром к герцогу.

А герцог, правитель той страны, был известный объедала и лакомка. Он больше всего любил хорошо поесть и выписывал себе поваров со всех концов земли.

Якоб подождал немного, пока совсем рассвело, и направился к герцогскому дворцу.

Громко стучало у него сердце, когда он подошёл к дворцовым воротам. Привратники спросили его, что ему нужно, и начали над ним потешаться, но Якоб не растерялся и сказал, что хочет видеть главного начальника кухни. Его повели

какими-то дворами, и все, кто его только видел из герцогских слуг, бежали за ним и громко хохотали.

Скоро у Якоба образовалась огромная свита. Конюхи побросали свои скребницы, мальчишки мчались наперегонки, чтобы не отстать от него, полотёры перестали выколачивать ковры. Все теснились вокруг Якоба, и на дворе стоял такой шум и гомон, словно к городу подступили враги. Всюду слышались крики:

— Карлик! Карлик! Видели вы карлика?

Наконец во двор вышел дворцовый смотритель — зашпанный толстый человек с огромной плёткой в руке.

— Эй, вы, собаки! Что это за шум? — закричал он громовым голосом, немилосердно колотя своей плёткой по плечам и спинам конюхов и прислужников. — Не знаете вы разве, что герцог ещё спит?

— Господин, — отвечали привратники, — посмотрите, кого мы к вам привели! Настоящего карлика! Такого вы ещё, наверное, никогда не встречали.

Увидев Якоба, смотритель сделал страшную гримасу и как можно плотнее сжал губы, чтобы не рассмеяться, — важность не позволяла ему хохотать перед конюхами. Он разогнал собравшихся своей плёткой и, взяв Якоба за руку, ввёл его во дворец и спросил, что ему нужно. Услышав, что Якоб хочет видеть начальника кухни, смотритель воскликнул:

— Неправда, сынок! Это я тебе нужен, дворцовый смотритель. Ты ведь хочешь поступить к герцогу в карлики?

— Нет, господин, — ответил Якоб. — Я хороший повар и умею готовить всякие редкостные кушанья. Отведите меня, пожалуйста, к начальнику кухни. Может быть, он согласится испытать моё искусство.

— Твоя воля, малыш, — ответил смотритель, — ты ещё, видно, глупый парень. Будь ты придворным карликом, ты мог бы ничего не делать, есть, пить, веселиться и ходить в красивой одежде, а ты хочешь на кухню! Но мы ещё посмотрим. Едва ли ты достаточно искусный повар, чтобы готовить кушанья самому герцогу, а для поварёнка ты слишком хорош.

Сказав это, смотритель отвёл Якоба к начальнику кухни. Карлик низко поклонился ему и сказал:

— Милостивый господин, не нужен ли вам искусный повар?

Начальник кухни оглядел Якоба с головы до ног и громко расхохотался.

— Ты хочешь быть поваром? — воскликнул он. — Что же, ты думаешь, у нас в кухне плиты такие низенькие? Ведь ты ничего на них не увидишь, даже если поднимешься на цыпочки. Нет, мой маленький друг, тот, кто тебе посоветовал поступить ко мне поваром, сыграл с тобой скверную шутку.

И начальник кухни снова расхохотался, а за ним — дворцовый смотритель и все те, кто был в комнате. Якоб, однако, не смутился.

— Господин начальник кухни! — сказал он. — Вам, наверно, не жалко дать мне одно-два яйца, немного муки, вина и приправ. Поручите мне приготовить какое-нибудь блюдо и велите подать всё, что для этого нужно. Я состряпаю кушанье у всех на глазах, и вы скажете: «Вот это настоящий повар!»

Долго уговаривал он начальника кухни, поблескивая своими маленькими глазками и убедительно качая головой. Наконец начальник согласился.

— Ладно! — сказал он. —
Давай попробуем шутки
ради! Идёмте все на кухню,
и вы тоже, господин смотре-
тель дворца.

Он взял дворцового смо-
трителя под руку и приказал
Якобу следовать за собой.
Долго шли они по каким-то
большим роскошным комна-
там и длинным коридорам
и наконец пришли на кухню.
Это было высокое простор-
ное помещение с огромной
плитой на двадцать конфо-
рок, под которыми день и
ночь горел огонь. Посреди
кухни был бассейн с водой,
в котором держали живую
рыбу, а по стенам стояли
мраморные и деревянные
шкафчики, полные драгоцен-
ной посуды. Рядом с кухней,
в десяти громадных кладо-
вых, хранились всевозмож-
ные припасы и лакомства.
Повара, поварята, судомой-
ки носились по кухне взад
и вперёд, гремя кастрюля-
ми, сковородками, ложками
и ножами. При появлении
начальника кухни все замер-
ли на месте, и в кухне сдела-
лось совсем тихо; только огонь
продолжал потрескивать под
плитой и вода по-прежнему
журчала в бассейне.

— Что заказал сегодня господин герцог к первому завтраку? — спросил начальник кухни главного заведующего завтраками — старого толстого повара в высоком колпаке.

— Его светлость изволили заказать датский суп с красными гамбургскими клёцками, — почтительно ответил повар.

— Хорошо, — продолжал начальник кухни. — Ты слышал, карлик, чего господин герцог хочет покушать? Можно ли тебе доверить такие трудные блюда? Гамбургских клёцек тебе ни за что не состряпать. Это тайна наших поваров.

— Нет ничего легче, — ответил карлик (когда он был белой, ему часто приходилось стряпать для старухи эти кушанья). — Для супа дайте мне таких-то и таких-то трав и пряностей, сала дикого кабана, яиц и кореньев. А для клёцек, — он заговорил тише, чтобы его не слышал никто, кроме начальника кухни и заведующего завтраками, — а для клёцек мне нужны четыре сорта мяса, немножко пива, гусиный жир, имбирь и трава, которая называется «утешение желудка».

— Клянусь честью, правильно! — закричал удивлённый повар. — Какой это чародей учил тебя стряпать? Ты всё до тонкости перечислил. А про травку «утешение желудка» я и сам в первый раз слышу. С нею клёцки, наверно, ещё лучше выйдут. Ты прямо чудо, а не повар!

— Вот никогда бы не подумал этого! — сказал начальник кухни. — Однако сделаем испытание. Дайте ему припасы, посуду и всё, что требуется, и пусть приготовит герцогу завтрак.

Поварята исполнили его приказание, но когда на плиту поставили всё, что было нужно, и карлик хотел приняться за стряпню, оказалось, что он едва достаёт до верха плиты кончиком своего длинного носа. Пришлось пододвинуть к плите стул, карлик взобрался на него и начал готовить. Повара, поварята, судомойки плотным кольцом окружили карлика и, широко раскрыв глаза от удивления, смотрели, как проворно и ловко он со всем управляется.

Подготовив кушанья к варке, карлик велел поставить обе кастрюли на огонь и не снимать их, пока он не прикажет.

Потом он начал считать: «Раз, два, три, четыре...» — и, досчитав ровно до пятисот, крикнул: «Довольно!»

Поварята сдвинули кастрюли с огня, и карлик предложил начальнику кухни отведать его стряпни.

Главный повар приказал подать золотую ложку, сполоснул её в бассейне и передал начальнику кухни. Тот торжественно подошёл к плите, снял крышки с дымящихся кастрюль и попробовал суп и клёцки. Проглотив ложку супа, он зажмурил глаза от наслаждения, несколько раз прищёлкнул языком и сказал:

— Прекрасно, прекрасно, клянусь честью! Не хотите ли и вы убедиться, господин дворцовый смотритель?

Смотритель дворца с поклоном взял ложку, попробовал и чуть не подскочил от удовольствия.

— Я не хочу вас обидеть, дорогой заведующий завтраками, — сказал он, — вы прекрасный, опытный повар, но такого супа и таких клёцек вам состряпать ещё не удавалось.

Повар тоже попробовал оба кушанья, почтительно пожал карлику руку и сказал:

— Малыш, ты — великий мастер! Твоя травка «утешение желудка» придаёт супу и клёцкам особенный вкус.

В это время в кухне появился слуга герцога и потребовал завтрак для своего господина. Кушанье тотчас же налили в серебряные тарелки и послали наверх. Начальник кухни, очень довольный, увёл карлика в свою комнату и хотел его расспросить, кто он и откуда явился. Но только что они уселись и начали беседовать, как за начальником пришёл посланный от герцога и сказал, что герцог его зовёт. Начальник кухни поскорее надел своё лучшее платье и отправился вслед за посланным в столовую.

Герцог сидел там, развалиясь в своём глубоком кресле. Он дочиста съел всё, что было на тарелках, и вытирал губы шёлковым платком. Его лицо сияло, и он сладко жмурился от удовольствия.

— Послушай-ка, — сказал он, увидев начальника кухни, — я всегда был очень доволен твоей стряпнёй, но сегодня завтрак был особенно вкусен. Скажи мне, как зовут повара, который его готовил: я пошлю ему несколько дукатов в награду.

— Господин, сегодня случилась удивительная история, — сказал начальник кухни.

И он рассказал герцогу, как к нему привели утром карлика, который непременно хочет стать дворцовым поваром. Герцог, выслушав его рассказ, очень удивился. Он велел позвать карлика и стал его расспрашивать, кто он такой. Бедному Якобу не хотелось говорить, что он семь лет был белкой и служил у старухи, но и лгать он не любил. Поэтому он только сказал герцогу, что у него теперь нет ни отца, ни матери и что его научила стряпать одна старуха. Герцог долго потешался над странным видом карлика и наконец сказал ему:

— Так и быть, оставайся у меня. Я дам тебе в год пятьдесят дукатов, одно праздничное платье и, сверх того, две пары штанов. За это ты будешь каждый день сам готовить мне завтрак, наблюдать за тем, как стряпают обед, и вообще заведовать моим столом. А кроме того, всем, кто у меня служит, я даю прозвища. Ты будешь называться Карлик Нос и получишь звание помощника начальника кухни.

Карлик Нос поклонился герцогу до земли и поблагодарил его за милость. Когда герцог отпустил его, Якоб радостный вернулся на кухню. Теперь наконец он мог не беспокоиться о своей судьбе и не думать о том, что будет с ним завтра.

Он решил хорошенько отблагодарить своего хозяина, и не только сам правитель страны, но и все его придворные не могли нахвалиться маленьким поваром. С тех пор как Карлик Нос поселился во дворце, герцог стал, можно сказать, совсем другим человеком. Прежде ему частенько случалось швырять в поваров тарелками и стаканами, если ему не нравилась их стряпня, а один раз он так рассердился, что запустил в самого начальника кухни плохо прожаренной телячьей ногой. Нога попала бедняге в лоб, и он после этого три дня пролежал в кровати. Все повара дрожали от страха, когда готовили кушанья.

Но с появлением Карлика Носа всё изменилось. Герцог теперь ел не три раза в день, как раньше, а пять раз и только похваливал искусство карлика. Всё казалось ему превкусным, и он становился день ото дня толще. Он часто приглашал карлика к своему столу вместе с начальником кухни и заставлял их отведать кушанья, которые они приготовили.

Жители города не могли надивиться на этого замечательного карлика.

Каждый день у дверей дворцовой кухни толпилось множество народу — все просили и умоляли главного повара, чтобы он позволил хоть одним глазком посмотреть, как карлик готовит кушанья. А городские богачи старались получить у герцога разрешение посылать на кухню своих поваров, чтобы они могли учиться у карлика стряпать. Это давало карлику немалый доход — за каждого ученика ему платили в день по полдуката, — но он отдавал все деньги другим поварам, чтобы они ему не завидовали.

Так Якоб прожил во дворце два года. Он был бы, пожалуй, даже доволен своей судьбой, если бы не вспоминал так часто об отце и матери, которые не узнали его и прогнали. Только это его и огорчало.

И вот однажды с ним произошёл такой случай.

Карлик Нос очень хорошо умел закупать припасы. Он всегда сам ходил на рынок и выбирал для герцогского стола гусей, уток, зелень и овощи. Как-то раз утром он пошёл на базар за гусями и долго не мог найти достаточно жирных птиц. Он несколько раз прошёлся по базару, выбирая гуся получше. Теперь уже никто не смеялся над карликом. Все низко ему кланялись и почтительно уступали дорогу. Каждая торговка была бы счастлива, если бы он купил у неё гуся.

Расхаживая взад и вперёд, Якоб вдруг заметил в конце базара, в стороне от других торговых, одну женщину, которую не видел раньше. Она тоже продавала гусей, но не расхваливала свой товар, как другие, а сидела молча, не говоря ни слова. Якоб подошёл к этой женщине и осмотрел её гусей. Они были как раз такие, как он хотел. Якоб купил трёх птиц вместе с клеткой — двух гусаков и одну гусыню, — поставил

клетку на плечо и пошёл обратно во дворец. И вдруг он заметил, что две птицы гогочут и хлопают крыльями, как полагается хорошим гусакам, а третья — гусыня — сидит тихо и даже как будто вздыхает.

«Эта гусыня больна, — подумал Якоб. — Как только приду во дворец, сейчас же велю её прирезать, пока она не издохла».

И вдруг птица, словно разгадав его мысли, сказала:

— Ты не режь меня —
Заклюю тебя.
Если шею мне свернёшь,
Раньше времени умрёшь.

Якоб чуть не уронил клетку.

— Вот чудеса! — закричал он. — Вы, оказывается, умеете говорить, госпожа гусыня! Не бойся, такую удивительную птицу я не убью. Готов спорить, что ты не всегда ходила в гусиных перьях. Ведь был же и я когда-то маленькой белочкой.

— Твоя правда, — ответила гусыня. — Я не родилась птицей. Никто не думал, что Мими, дочь великого Веттербока, кончит жизнь под ножом повара на кухонном столе.

— Не беспокойтесь, дорогая Мими! — воскликнул Якоб. — Не будь я честный человек и главный повар его светлости, если до вас кто-нибудь дотронется ножом! Вы будете жить в прекрасной клетке у меня в комнате, и я стану вас кормить и разговаривать с вами. А другим поварам скажу, что откармливаю гуся особыми травами для самого герцога. И не пройдёт и месяца, как я придумаю способ выпустить вас на волю.

Мими со слезами на глазах поблагодарила карлика, и Якоб исполнил всё, что обещал. Он сказал на кухне, что будет откармливать гусыню особым способом, которого никто не знает, и поставил её клетку у себя

в комнате. Мими получала не гусиную пищу, а печенье, конфеты и всякие лакомства, и как только у Якоба выдавалась свободная минутка, он тотчас же прибегал к ней поболтать.

Мими рассказала Якобу, что её превратила в гусыню и занесла в этот город одна старая колдунья, с которой когда-то поссорился её отец, знаменитый волшебник Веттербок. Карлик тоже рассказал Мими свою историю, и Мими сказала:

— Я кое-что понимаю в колдовстве — мой отец немножко учил меня своей мудрости. Я догадываюсь, что старуха заколдовала тебя волшебной травкой, которую она положила в суп, когда ты принёс ей домой капусту. Если ты найдёшь эту травку и понюхаешь её, ты, может быть, снова станешь таким же, как все люди.

Это, конечно, не особенно утешило карлика: как же он мог найти эту травку? Но у него всё-таки появилась маленькая надежда.

Через несколько дней после этого к герцогу приехал погостить один князь — его сосед и друг. Герцог тотчас же позвал к себе карлика и сказал ему:

— Теперь пришло время показать, верно ли ты мне служишь и хорошо ли знаешь своё искусство. Этот князь, который приехал ко мне в гости, любит хорошо поесть и понимает толк в стряпне. Смотри же, готовь нам такие кушанья, чтобы князь каждый день удивлялся. И не вздумай, пока князь у меня в го-

стях, два раза подать к столу одно кушанье. Тогда тебе не будет пощады. Бери у моего казначея всё, что тебе понадобится, хоть золото запечённое нам подавай, только бы не осрамиться перед князем.

— Не беспокойтесь, ваша светлость, — ответил Якоб, низко кланяясь. — Я уж сумею угодить вашему лакомке-князю.

И Карлик Нос горячо принялся за работу. Целый день он стоял у пылающей плиты и без умолку отдавал приказания своим тоненьким голоском. Толпа поваров и поварят металась по кухне,

ловя каждое его слово. Якоб не щадил ни себя, ни других, чтобы угодить своему хозяину.

Уже две недели гостил князь у герцога. Они ели не меньше чем по пять раз в день, и герцог был в восторге. Он видел, что его гостю нравится стряпня карлика. На пятнадцатый день герцог позвал Якоба в столовую, показал его князю и спросил, доволен ли князь искусством его повара.

— Ты прекрасно готовишь, — сказал князь карлику, — и понимаешь, что значит хорошо есть. За всё время, пока я здесь, ты ни одного кушанья не подал на стол два раза, и всё было очень вкусно. Но скажи мне, почему ты до сих пор не угостил нас «пирогом королевы»? Это самый вкусный пирог на свете.

У карлика упало сердце: он никогда не слышал о таком пироге. Но он и виду не подал, что смущён, и ответил:

— О господин, я надеялся, что вы ещё долго пробудете у нас, и хотел угостить вас «пирогом королевы» на прощанье. Ведь это — король всех пирогов, как вы сами хорошо знаете.

— Ах, вот как! — сказал герцог и рассмеялся. — Ты ведь и меня ни разу не угостил «пирогом королевы». Наверно, ты испечёшь его в день моей смерти, чтобы последний раз побаловать меня. Но придумай на этот случай другое кушанье! А «пирог королевы» чтобы завтра был на столе! Слышишь?

— Слушаюсь, господин герцог, — ответил Якоб и ушёл, озабоченный и огорчённый.

Вот когда наступил день его позора! Откуда он узнает, как пекут этот пирог?

Он пошёл в свою комнату и стал горько плакать. Гусыня Мими увидела это из своей клетки и пожалела его.

— О чём ты плачешь, Якоб? — спросила она, и, когда Якоб рассказал ей про «пирог королевы», она сказала: — Вытри слёзы и не огорчайся. Этот пирог часто подавали у нас дома, и я, кажется, помню, как его надо печь. Возьми столько-то муки и положи ещё такую-то и такую-то приправу — вот пирог и готов. А если в нём чего-нибудь не хватит — беда невелика. Герцог с князем всё равно не заметят. Не такой уж у них разборчивый вкус.

Карлик Нос подпрыгнул от радости и сейчас же принялся печь пирог. Сначала он сделал маленький пирожок и дал его попробовать начальнику кухни. Тот нашёл, что вышло очень вкусно. Тогда Якоб испёк большой пирог и прямо из печи послал его к столу. А сам надел своё праздничное платье и пошёл в столовую смотреть, как герцогу с князем понравится этот новый пирог.

Когда он входил, дворецкий как раз отрезал большой кусок пирога, на серебряной лопаточке подал его князю, а потом другой такой же — герцогу. Герцог откусил сразу полкуски, прожевал пирог, проглотил его и с довольным видом откинулся на спинку стула.

— Ах, как вкусно! — воскликнул он. — Недаром этот пирог называют королём всех пирогов. Но и мой карлик — король всех поваров. Не правда ли, князь?

Князь осторожно откусил крохотный кусочек, хорошенько прожевал его, растёр языком и сказал, снисходительно улыбаясь и отодвигая тарелку:

— Недурное кушанье! Но только ему далеко до «пирога королевы». Я так и думал!

Герцог покраснел с досады и сердито нахмурился.

— Скверный карлик! — закричал он. — Как ты смел так опозорить своего господина? За такую стряпню тебе следовало бы отрубить башку!

— Господин! — закричал Якоб, падая на колени. — Я испёк этот пирог как полагается. В него положено всё, что надо.

— Ты лжёшь, негодяй! — закричал герцог и отпихнул карлика ногой. — Мой гость не стал бы напрасно говорить, что в пироге чего-то не хватает. Я тебя самого прикажу размолоть и запечь в пирог, урод ты этакий!

— Сжальтесь надо мной! — жалобно закричал карлик, хватая князя за полы его платья. — Не дайте мне умереть из-за горстки муки и мяса! Скажите, чего не хватает в этом пироге, чем он вам так не понравился?

— Это мало тебе поможет, мой милый Нос, — ответил князь со смехом. — Я уже вчера подумал, что тебе не испечь этого пирога так, как его печёт мой повар. В нём не хватает одной травки, которой у вас никто не знает. Она называется «чихай на здоровье». Без этой травки у «пирога королевы» не тот вкус, и твоему господину никогда не придётся попробовать его таким, каким его делают у меня.

— Нет, я его попробую, и очень скоро! — закричал герцог. — Клянусь моей герцогской честью, либо вы завтра увидите на столе такой пирог, либо голова этого негодяя будет торчать на воротах моего дворца. Пошёл вон, собака! Даю тебе сроку двадцать четыре часа, чтобы спасти свою жизнь.

Бедный карлик, горько плача, пошёл к себе в комнату и пожаловался гусыне на своё горе. Теперь ему уже не миновать смерти! Ведь он никогда и не слыхивал о траве, которая называется «чихай на здоровье».

— Если в этом всё дело, — сказала Мими, — то я могу тебе помочь. Мой отец научил меня узнавать все травы. Будь это недели две назад, тебе, может быть, и вправду грозила бы смерть, но, к счастью, теперь новолуние, а в это время как раз и цветёт та трава. Есть где-нибудь около дворца старые каштаны?

— Да! Да! — радостно закричал карлик. — В саду, совсем близко отсюда, растёт несколько каштанов. Но зачем они тебе?

— Эта трава, — ответила Мими, — растёт только под старыми каштанами. Не будем попусту терять время и пойдём сейчас же её искать. Возьми меня на руки и вынеси из дворца.

Карлик взял Мими на руки, подошёл с ней к дворцовым воротам и хотел выйти. Но привратник преградил ему дорогу.

— Нет, мой милый Нос, — сказал он, — мне строго-настрого велено не выпускать тебя из дворца.

— Неужели мне и в саду нельзя погулять? — спросил карлик. — Будь добр, пошли кого-нибудь к смотрителю и спроси, можно ли мне ходить по саду и собирать траву.

Привратник послал спросить смотрителя, и смотритель позволил: сад ведь был обнесён высокой стеной, и убежать из него было невозможно.

Выйдя в сад, карлик осторожно поставил Мими на землю, и она, ковыляя, побежала к каштанам, которые росли на берегу озера. Якоб, пригорюнившись, шёл за нею.

«Если Мими не найдёт той травки, — думал он, — я утоплюсь в озере. Это всё-таки лучше, чем дать отрубить себе голову».

Мими между тем побывала под каждым каштаном, перевернула клювом всякую былинку, но напрасно — травки «чихай на здоровье» нигде не было видно. Гусыня от горя даже заплакала. Приближался вечер, темнело и становилось всё труднее различать стебли трав. Случайно карлик взглянул на другой берег озера и радостно закричал:

— Посмотри, Мими, видишь — на той стороне ещё один большой старый каштан! Пойдём туда и поищем, может быть, под ним растёт моё счастье.

Гусыня тяжело захлопала крыльями и полетела, а карлик во всю прыть побежал за нею на своих маленьких ножках. Перейдя через мост, он подошёл к каштану. Каштан был густой и развесистый, под ним в полутьме почти ничего не было видно. И вдруг Мими замахала крыльями и даже подскочила от радости. Она быстро сунула клюв в траву, сорвала какой-то цветок и сказала, осторожно протягивая его Якобу:

— Вот трава «чихай на здоровье». Здесь её растёт много-много, так что тебе надолго хватит.

Карлик взял цветок в руку и задумчиво посмотрел на него. От него шёл сильный приятный запах, и Якобу почему-то вспомнилось, как он стоял у старухи в кладовой, подбирая травы, чтобы начинить ими курицу, и нашёл такой же цветок — с зеленоватым стебельком и ярко-красной головкой, украшенной жёлтой каймой.

И вдруг Якоб весь задрожал от волнения.

— Знаешь, Мими, — закричал он, — это, кажется, тот самый цветок, который превратил меня из белки в карлика! Попробую-ка я его понюхать.

— Подожди немножко, — сказала Мими. — Возьми с собой пучок этой травы, и вернёмся к тебе в комнату. Собери свои деньги и всё, что ты нажил, пока служил у герцога, а потом мы испробуем силу этой чудесной травки.

Якоб послушался Мими, хотя сердце у него громко стучало от нетерпения. Он бегом прибежал к себе в комнату. Завязав в узелок сотню дукатов и несколько пар платья, он сунул свой длинный нос в цветы и понюхал их. И вдруг его суставы затрещали, шея вытянулась, голова сразу поднялась из плеч, нос стал делаться всё меньше и меньше, а ноги все длиннее и длиннее, спина и грудь выровнялись, и он стал такой же, как все люди. Мими с великим удивлением смотрела на Якоба.

— Какой ты красивый! — закричала она. — Ты теперь совсем не похож на уродливого карлика!

Якоб очень обрадовался. Ему захотелось сейчас же бежать к родителям и показаться им, но он помнил о своей спасительнице.

— Не будь тебя, дорогая Мими, я бы на всю жизнь остался карликом и, может быть, умер бы под топором палача, — сказал он, нежно поглаживая гусыню по спине и по крыльям. — Я должен тебя отблагодарить. Я отвезу тебя к твоему отцу, и он тебя расколдует. Он ведь умнее всех волшебников.

Мими залилась слезами от радости, а Якоб взял её на руки и прижал к груди. Он незаметно вышел из дворца — ни один человек не узнал его — и отправился с Мими к морю, на остров Готланд, где жил её отец, волшебник Веттербок.

Они долго путешествовали и наконец добрались до этого острова. Веттербок сейчас же снял чары с Мими и дал Якобу много денег и подарков. Якоб немедленно вернулся в свой родной город. Отец и мать с радостью встретили его — он ведь стал такой красивый и привёз столько денег!

Надо ещё рассказать про герцога.

Утром на другой день герцог решил исполнить свою угрозу и отрубить карлику голову, если он не найдет той травы, о которой говорил князь. Но Якоба нигде не могли отыскать.

Тогда князь сказал, что герцог нарочно спрятал карлика, чтобы не лишиться своего лучшего повара, и назвал его обманщиком. Герцог страшно рассердился и объявил князю войну. После многих битв и сражений они наконец помирились, и князь, чтобы отпраздновать мир, велел своему повару испечь настоящий «пирог королевы». Этот мир между ними так и называли — «Пирожный мир».

Вот и вся сказка о Карлике Носе.

Холодное сердце (Пересказ с немецкого Т. Габбе и А. Любарской)	5
Маленький Мук (Перевод с немецкого М. Салье)	81
Карлик Нос (Перевод с немецкого М. Салье)	107

«Все лучшие сказки» –
это самая полная коллекция
детского чтения.

В серию вошли самые известные произведения
из сокровищницы детской классики.

Созданные великими писателями
или народной фантазией, они переносят маленьких
читателей в волшебный мир, где живут принцы
и принцессы, гномы и великаны,
феи и колдуньи, в мир, где всегда
побеждает добро,
а зло бывает наказано!

Литературно-художественное издание

Для детей до трех лет

Серия «Все лучшие сказки»

Гауф Вильгельм

ЛУЧШИЕ СКАЗКИ

Перевод с немецкого М. Салье

Пересказ Т. Габбе и А. Любарской

Стихи в переводе И. Андриановой

Художник В. КАНИВЕЦ

Дизайн обложки Т. А. САВВУШКИНОЙ

Ответственный редактор В. С. РЯБЧЕНКО

Художественный редактор О. В. КУЛИКОВА

Технический редактор Е. С. ГУСЕВА

Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА

Верстка С. В. ПИМЕНОВОЙ

Подписано в печать 15.03.14. Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «Фрисет».

Усл. печ. л. 15,12. ID 19540. Доп. тираж 15 000 экз. Заказ № 1312321.

ЗАО «РОСМЭН».

Почтовый адрес: 127018, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2. Тел.: (495) 933-71-30.

Юридический адрес: 117465, г. Москва, ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

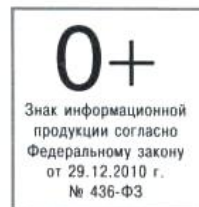
ОТДЕЛ ПРОДАЖ:

(495) 933-70-73; 933-71-30;

(495) 933-70-75 (факс).

Дата изготовления: апрель 2014 г.

Отпечатано в России.

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Гауф В.

Г24 Лучшие сказки / В. Гауф ; Пер. с нем. М. Салье ; Пересказ Т. Габбе,
А. Любарской. — М. : РОСМЭН, 2014. — 144 с. : ил. — (Все лучшие сказки).

Нет, пожалуй, сказок более чудесных и содержательных, чем сказки выдающегося немецкого писателя Вильгельма Гауфа. И прежде всего, они выделяются среди всех известных нам сказок своей самобытностью и оригинальностью. Необыкновенные, подчас фантастические сюжеты, невероятные приключения и превращения героев, прекрасный язык произведений настолько завораживают читателей, что они полностью переносятся в волшебный мир сказки и становятся участниками всех удивительных событий. Надеемся, что и сегодня маленькие читатели с удовольствием познакомятся с чудесными сказками великого Гауфа.

ISBN 978-5-353-06073-4

УДК 821.162.2-34-93

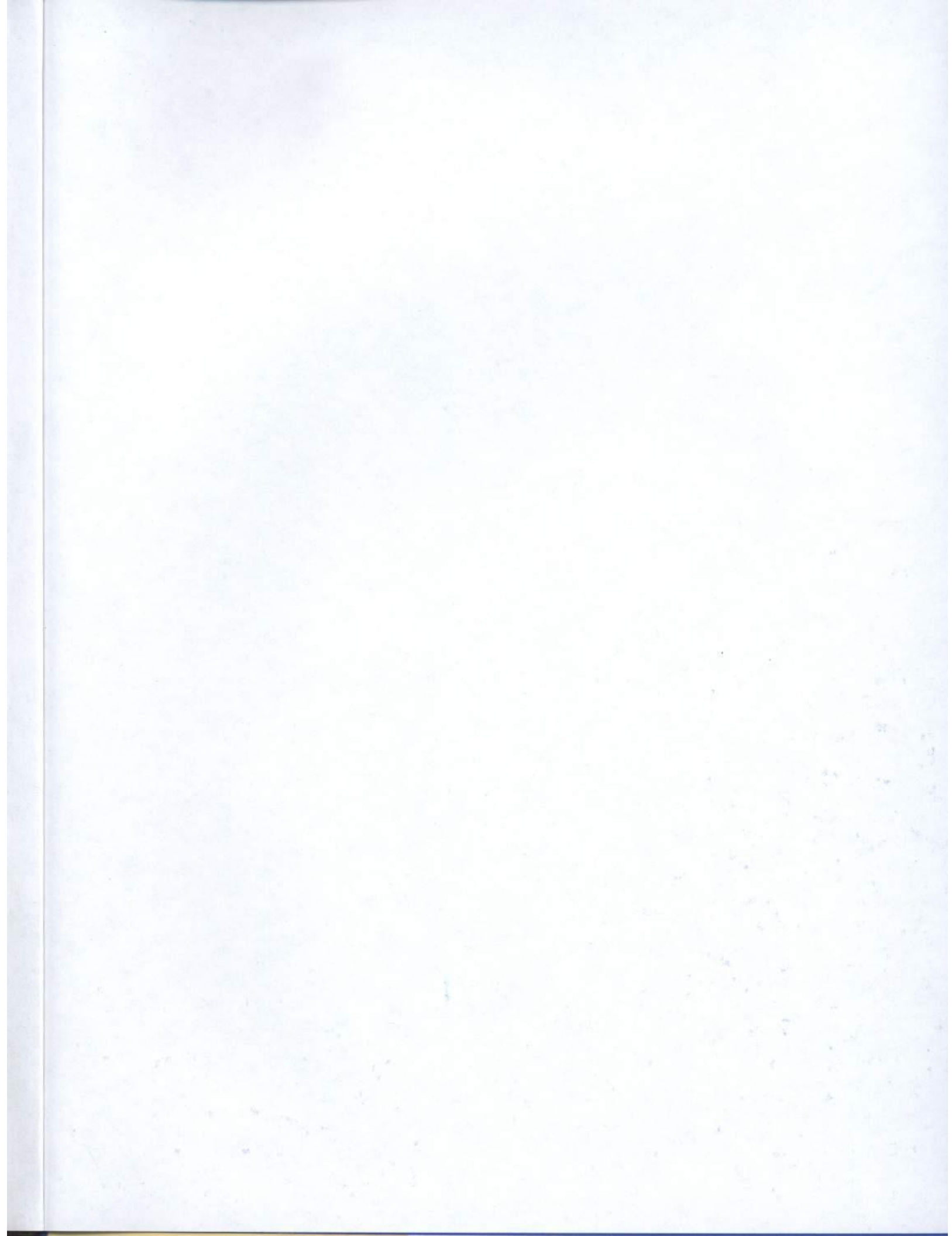
ББК 84(4Гем)

© А. Любарская, текст, наследники, 2013

© М. Салье, текст, наследники, 2013

© ЗАО «РОСМЭН», 2013

В СЕРИЮ

«ВСЕ ЛУЧШИЕ СКАЗКИ»

вошли самые известные произведения
из сокровищницы детской классики.
Созданные великими писателями или
народной фантазией, они переносят
маленьких читателей в волшебный
мир, где живут принцы и принцессы,
гномы и великаны, феи и колдуньи,
разговаривают звери, в мир, где всегда
побеждает добро, а зло бывает наказано!

В этой книге:

Холодное сердце

Маленький Мук

Карлик Нос

ISBN 978-5-353-06073-4

9

785353

060734